САНАА БОВА



18+

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

ЧАСТЬ 1

7 ИСТОРИЙ МОЕГО БЕЗУМИЯ

ИСТОРИЯ 1 | ПРИЗНАНИЕ БОЛЕЗНИ

Где заканчивается болезнь и начинается другой мир?

СанаА Бова

Семь историй моего безумия. История первая. Часть 1

https://litres.ru/73095448
SelfPub; 2026

Аннотация

Кристиан Рэйн известный певец и визуальный художник. Его клипы ломают привычную эстетику, его свет ведёт себя неправильно, его тени запаздывают. Публика называет это стилем. Врачи симптомами.

А он всё чаще чувствует, что это призыв.

Во снах и провалах он попадает в пространства, где его не лечат и не спасают. Там его ждут. Там он не сломан. Там он тот, кто способен перейти.

И с каждым днём возвращаться становится сложнее.

Эта книга первая история из серии, где реальность трескается постепенно, без громких эффектов. Где мания похожа на портал, депрессия на возвращение домой, а страх исчезновения оказывается страшнее любого диагноза.

Это текст о цене дара, который легко назвать безумием.

О славе, которая не спасает.

О выборе между тем, чтобы остаться нормальным и остаться собой.

Здесь нет ответа, болен ли герой на самом деле.
Есть только вопрос, который становится всё опаснее:
А если он никогда и не был болен?

Содержание

Когда отражение моргает позже	5
Важно!	38
Ошибка экспозиции	40
В тени пространства	70
Танец в тени	104
Конец ознакомительного фрагмента.	117

СанаА Бова
Семь историй моего безумия. История первая. Часть 1

Когда отражение моргает позже

Иногда мир не ломается. Он просто отстаёт, чтобы ты успел испугаться.
Кристиан Рэйн

Я проснулся не от будильника и не от звука с улицы, а от того, что воздух в комнате вдруг стал слишком плотным. Как будто меня накрыли плёнкой и забыли сделать дырку для дыхания. Потолок повис выше обычного, стены ушли чуть дальше. Всё выглядело как моя квартира, но с лёгкой ошибкой экспозиции, как плохо настроенный кадр, где белое перебито, чёрное провалилось.

Какое-то время я просто лежал, не двигаясь и слушал, как сердце стучит где-то в шее… Не в груди. Проверял: живой, не живой. Тело казалось тяжелее меня самого, как чужой костюм, который на меня натянули ночью. Ощущение дереализации всегда приходило вот так тихо и без объявления вой-

ны. Мир делался плоским, как декорация, а я тем, кто за ней застрял.

Я перевёл взгляд на стену напротив. Мой собственный постер с прошлой работой смотрелся нелепо: слишком яркий фон, слишком тёмная фигура в центре. Я помнил, как спорил с цветокорректором, требуя «ещё свет, пусть всё горит», а сейчас это «горит» резало глаза. Будто кто-то поставил мой внутренний свет на максимум и забыл выключить.

Я медленно сел, упираясь ладонями в матрас. Движения давались так, словно между мной и телом вставили задержку. Я поднял руку, и на долю секунды почувствовал, что она поднимается не тогда, когда я решаю, а чуть позже. Как плохая синхронизация видео и звука. Я вздохнул и опустил голову, пытаясь поймать хоть одну фиксированную точку. На браслете блеснул металл, и я наткнулся взглядом на кольца – перебрал их пальцами, проверяя, что они на месте. Это всегда успокаивало: если кольца здесь, значит, я всё ещё я. Вроде.

Комната была слишком тихой. Не нормальной тишиной, где слышно, как кто-то сверлит за стеной или как машина проезжает под окнами, а густой и неправильной. В такой тишине начинают звучать те вещи, которые обычно молчат: собственные мысли, кровь в ушах, давние фразы, сказанные не тем людям. Я боялся такой тишины, ведь она всегда приходила перед провалом.

Я потянулся к телефону, лежащему рядом, щурясь от яр-

кости дисплея. Четыре пятнадцать утра. Пара уведомлений от Яны, что-то от продюсера, напоминание о созвоне по свету. Всё, как всегда. Снаружи мир продолжал идти по своему графику. Проблема была в том, что мой график опять начал расходиться с ним.

Я уставился в экран, пока буквы слегка не поплыли, и насильно заставил себя отложить телефон. Если начать отвечать в таком состоянии, я в любом случае напишу то, о чём буду жалеть. В мании я всегда слишком честный, слишком громкий, слишком… «слишком». Сейчас ещё не мания. Но уже и не стабильность.

Я повернул голову к окну. Темнота за стеклом казалась не настоящей. Ни одного огонька. Как будто мир за домом временно выключили, чтобы я тут разобрался с собой и не отвлекался. В отражении окна я увидел своё лицо: осунувшееся, с подведёнными, как у плохо загримированного персонажа, глазами. И – на долю секунды – движение. Я моргнул. Отражение моргнуло чуть позже. На долю секунды. Этого хватило, чтобы по спине прошёл холодок.

— Серьёзно? — тихо сказал я в темноту. — С утра пораньше?

Я знал, что это всего лишь мозг. Уставший, перегруженный, с нарушенным сном и выжженным нервом. Но знание никогда не отменяло ощущения. «Запаздывающая тень» – я так однажды назвал это состояние. Смешное и точное название. Я делал движение, а мир, который должен был реагиро-

вать синхронно, отставал. Иногда на миллисекунду. Иногда на целый день.

Я снял одну руку с матраса и машинально потянулся к выключателю рядом с кроватью. Щёлкнул. Раз. Два. Три. Свет моргнул, перекинулся из темноты в ослепляющую белизну, перебил все тени на стенах. Я поморщился, но не убрал руку.

Щёлк. Щёлк. Щёлк.

Это был мой маленький ритуал. Если свет послушно включался и выключался по моему запросу три раза подряд – значит, я ещё имел здесь какое-то влияние. Пока ещё.

Я поднялся на ноги. Пол под босыми ступнями был холодным и липким, как плитка в старых коридорах. Я прошёлся по комнате, пытаясь убедить себя в том, что она трёхмерная. Дотронулся до стены – оштукатуренная, шершавость на месте. До шкафа – гладкий пластик. До стула – дерево, скрип под пальцами. Всё существовало. Просто не до конца убеждало меня в этом.

Перед зеркалом я остановился, как перед объективом. Оттуда на меня смотрел человек, которого я знал по кадровому материалу лучше, чем по жизни: тот же проваленный взгляд, те же слишком выступающие скулы, те же волосы, спадающие на глаза. Но сейчас в зеркале было что-то ещё – лёгкая переосветлённость, как будто кто-то выкрутил белое на максимум. Кожа казалась чуть слишком яркой, глаза – чуть слишком тёмными.

Я поднял руку. В отражении она поднялась с микро-за-

держкой. Это могло быть чистой физиологией, сбоем восприятия. Но я увидел в этом знак. Состояние, когда я становился как бы на полшага позади самого себя. Сначала это выглядело как странный визуальный эффект. Потом, как стиль. Потом, как диагноз.

Я наклонился ближе, изучая зрачки. Они были нормального размера. Это меня даже разозлило. Такие ощущения не должны сопровождаться «нормальными» глазами.

— Ты разваливаешься, — не отводя взгляда сказал я себе. Голос прозвучал почти чужим. — Соберись хоть к съёмкам, Кристиан. Сегодня репетиция и настройка. Завтра начало. Ты делал это много раз прежде.

Ответа, разумеется, не последовало. Зеркало всегда молчало. Оно любило смотреть, но не говорить.

Пальцы снова нашли кольца. Я вертел их, чувствуя, как металл режет подушечки. Это была мелочь, но в ней была реальность: холод, вес, сопротивление. Я зацепился за это ощущение, как за край бассейна, когда не умеешь плавать.

Где-то в глубине груди шевельнулась усталость. Не та, которая приходит после долгого дня, а древняя, вязкая, будто я прожил слишком много жизней подряд и уже в первой хотел остановиться. Она всегда была со мной, даже в мании. Особенно в мании. Просто тогда я её заглушал шумом.

Я прошёл обратно к кровати, сел, упёрся локтями в колени и спрятал лицо в ладонях. Перед глазами вспыхнуло то, что я старательно отодвигал: куски сна. Белый город, сложен-

ный из костей. Лестницы, уходящие в никуда. Огромные фигуры, которые не были ни людьми, ни богами, ни чудовищами. Они являлись чем-то промежуточным. И она. Женщина с длинными белыми волосами, стоящая наверху ступеней.

Я знал, что она пришла не из этого мира. И не из клиповых картинок, которыми я кормил зрителей. Она была старше любых моих образов. Причём настолько, что это пугало. Когда она смотрела на меня, у меня появлялось чувство, что я меньше, чем привык думать. Не в смысле значимости, а в смысле размеров. Как будто я – одна точка в огромной схеме, о которой мне никто не рассказал.

— Вернись, — сказала она во сне.

Не «приходи», не «иди сюда». А «*Вернись*».

Это слово сидело во мне с тех пор, как я открыл глаза. Вернуться куда? В город из костей? В коридор между богами? В себя? Иногда мне казалось, что я родился уже после того, как меня откуда-то выдернули, и теперь любую любовь, любой свет, любую работу я использовал как попытку собрать обратно маршрут.

Я поднял голову, уставившись в точку на стене. Было странно, что предстоящие съёмки – весь этот хаос света, дыма, музыки, людей – казались мне безопаснее, чем моё собственное утро в квартире. Там у меня будет оправдание быть ненормальным. Здесь же, только я и запаздывающая тень.

Телефон завибрировал где-то рядом, нарушив тишину. Я вздрогнул, будто услышал выстрел. Посмотрел на дисплей:

Яна. Ещё одно сообщение с вопросом по таймингам.

Пальцы сами собой начали набирать ответ, но я остановился на полуслове. Не потому что не знал, что сказать. Потому что понимал: любой мой текст сейчас будет написан человеком, который ещё не до конца вернулся в своё тело. А потом этим человеком придётся быть весь день на площадке. Я не был к нему готов.

Я выключил экран и оставил телефон лицом вниз.

Комната вздохнула. Или это я.

Я снова щёлкнул выключателем.

Раз.

Два.

Три.

Свет продолжал послушно включаться и выключаться. Что-то одно из нас двоих ещё работало по правилам.

Я снова лёг только потому, что не видел другого способа пережить это утро. Когда реальность казалась такой тонкой, я обычно уходил туда, где она, наоборот, была слишком плотной, – в сон. Там хотя бы было понятно, что всё не по-настоящему, и от этого почему-то становилось… честнее.

Я вытянулся на кровати, уставился в потолок, вдруг подумав, что текстура штукатурки подозрительно напоминает шум на высоком ISO, закрыл глаза и позволил телу провалиться. Переход всегда напоминал падение лифта: короткое, неприятное, но уже знакомое ощущение, когда ты не успеваешь вдохнуть, а тебя уже утащило куда-то вниз.

Мир подхватил меня тихо, почти бережно. Сначала мне показалось, что я стою в белом тумане, который светился изнутри, как плохо выставленный контровой свет. Он не был ни тёплым, ни холодным, просто давал ощущение, что границы тела слегка растворились. Потом туман начал отступать, открывая то, что я видел слишком много раз, чтобы считать случайностью.

Город вырос вокруг меня одним движением, как декорация на сцепке. Бесконечные арки, сложенные из гигантских позвонков, уходили вверх, теряясь в сверкающем небе. Дома были из белой кости и прозрачного камня, по которому стекал свет — не лучами, а густыми, вязкими потоками, похожими на расплавленный металл. Земля под ногами дышала, еле заметно поднимаясь и опускаясь. Иногда я ловил себя на мысли, что это не город, а огромное живое существо, которое просто согласилось поиграть в архитектуру.

Фигуры двигались по мостовым медленно, но в каждом их движении была какая-то чуждая мне логика. Они напоминали людей, если смотреть снизу вверх: плечи, руки, силуэты. Но стоило задержать взгляд на лице – лиц не было. Гладкая поверхность, чуть выпуклая, как маска без отверстий для глаз и рта. Я знал, если подойду ближе, то увижу, как под этой гладью шевелится что-то живое, и поэтому никогда не подходил.

Над городом шли существа крупнее домов. Они были собраны из света и тени сразу, как будто кто-то взял переэкс-

понированный кадр и наложил его поверх недосвеченного. Их контуры дрожали, и, когда они наклонялись, весь мир как будто подстраивался под их движение. Я не знал, кто они: боги, демоны, побочный продукт моей нервной системы. Я относился к ним как к погоде. Просто принял за данность.

Я шёл по этой костяной улице босиком. Подошвы ног чувствовали каждый бугорок, каждую трещину, каждый перепад. Здесь мир был слишком телесным, и чрезмерно осязаемым, чтобы считать его сном. Я иногда думал, что это всё неправильно, что сны не должны быть так подробно прописаны, но потом вспоминал список диагнозов, которые мне поставили, и переставал удивляться.

— Ты опять опоздал, — раздалось справа.

Голос был негромким, но он оставил лёгкий след в воздухе, как дым. Я повернул голову и увидел, как рядом со мной, на краю высокой лестницы, сидит мальчик, сложенный из пепла и золы. Его кожа была серой, с мелкими трещинами, из которых просвечивал красный свет, как из углей. Глаза — золотые, слишком большие, как у существ на моей кухне, только здесь они казались уместнее.

— Я вообще-то только что вышел, — ответил я автоматически. — С чего ты взял, что опоздал?

— Она ждала, — кивая куда-то вверх усмехнулся мальчик. — А когда она ждёт, время ведёт себя хуже, чем ты.

Я вскинул голову. По лестнице, уходящей высоко, к центральной арке, уже стелился знакомый свет – ровный, белый,

без переливов. Это было единственное место во всём этом городе, где не дрожали контуры. Я всегда знал, что, если пойду туда, увижу её. Всегда знал… Но всё равно каждый раз удивлялся.

— Сколько времени? — зачем-то спросил я, ведь прекрасно понимал, что здесь это бессмысленно.

— Здесь оно только одно, — мальчик пожал плечами. — Поздно.

Я усмехнулся, но получилось криво. Даже во сне мне успевали напомнить, что я не умею приходить вовремя никуда, где кто-то меня ждёт.

Лестница была длинной. Ступени белыми, как рентгеновский снимок. Я шёл вверх и чувствовал, как внутри меня звенит что-то похожее на нервный смех и паническую атаку одновременно. Каждый раз, когда я приближался к ней, меня накрывало чувство, которое утром я никак не мог назвать, только ощущал остаток. Я не знал, почему продолжаю идти. Возможно, из тех же причин, по которым согласился на очередной клип, хотя нервная система кричала «хватит», «отдохни», «перезагрузись».

Она появилась, ещё до того, как я дошёл до середины. Стояла немного выше, опираясь ладонью о перила, как человек, который вышел на балкон посмотреть, кто там шумит под окнами. Белые волосы падали до бёдер прямой, ровной линией, как свет из софита. Лицо было… правильным. Не идеальным, не «красивым» в привычном смысле, а таким,

которое трудно описать. Черты сдвигались, если пытаться запомнить. Глаза – прозрачные, без переигранной глубины, просто очень внимательные.

— Ты устал, — вместо приветствия недовольно пробормотала она.

— Наконец-то диагноз, с которым я согласен, — я опёрся рукой о ступень и остановился, не доходя пары шагов. — Дальше будет что-то, что изменит мою жизнь?

— Она уже меняется, — спокойно ответила она. — Ты просто ещё не догнал.

Мне захотелось усмехнуться снова, но внутри всё сжалось. Я слишком хорошо понимал, о чём она. Догоняющая реальность, запаздывающая тень, чувство, что я живу с задержкой к самому себе. Как монтаж, который кто-то нарезал неправильно и не удосужился исправить.

— Где мы? — этот вопрос я задавал по инерции каждый раз. Может быть, надеялся, что в какой-то момент она даст новый ответ.

— Там же, где и всегда, — женщина чуть наклонила голову. — Между тем, что ты видишь, и тем, чего не хочешь знать.

— Очень конкретно, спасибо.

Она спустилась на пару ступеней, будто давая мне возможность увидеть её ближе. Свет вокруг неё не слепил, но всё остальное на его фоне казалось недоэкспонированным. Я поймал себя на том, что думаю о ней как о правильно вы-

ставленном источнике освещения. Это было мерзко и профессионально одновременно.

— Ты всё ещё думаешь кадрами, — заметила она. — Даже здесь.

— Здесь проще, — ответил я. — Здесь хотя бы понятно, что всё это проекции. В жизни приходится делать вид, что это просто «идея клипа».

Она смотрела спокойно, без жалости, без осуждения, будто рассматривает объект, который знает давно. В её взгляде не было того, чего я боялся больше всего, – страха. Когда люди пугались меня, я моментально становился тяжелее себя самого. В её лице не было этого. Именно это раздражало... И притягивало.

— Ты всё равно возвращаешься, — сказала она, как факт.

— Возможно, у меня нет выбора.

— У тебя есть. Просто ты каждый раз делаешь один и тот же.

Я хотел спросить «какой», но язык не повернулся. Внутри поднималась какая-то старческая усталость, как будто мы этот разговор уже вели много раз, просто я каждый раз забывал. Она знала. Я – нет. Эта асимметрия бесила.

— Кто ты? — голос прозвучал тише, чем хотелось.

Она подошла ещё ближе. На секунду мне показалось, что если протянуть руку, смогу коснуться её волос, и они окажутся не светом, а чем-то материальным и тяжёлым. Но я не протянул.

— Я – то место, откуда ты ушёл, — сказала она. — И то, куда постоянно пытаешься вернуться, даже когда снимаешь клипы про совсем другое.

От сердца к горлу поднялась знакомая едкая тоска. Та самая, которая не имела источника в реальности. Ни один человек, ни одно событие не объясняло её полностью. Будто меня когда-то отсоединили от чего-то огромного и тёплого, и с тех пор тело знало, что чего-то не хватает, а мозг не мог вспомнить, чего именно.

— Звучит как что-то, что психиатру лучше не рассказывать, — пробормотал я себе под нос. — Ему одного списка симптомов достаточно.

— Ты рассказываешь итак только половину, — она слегка усмехнулась. — Остальное выбрасываешь в монтаж.

— Это безопаснее.

— Нет, — качнула она головой. — Это громче. Это зов… Призыв.

Где-то над нами прошли те самые гиганты из света и тени. Город отозвался тихой вибрацией, как студийный пол, когда по нему пробегает тяжёлая техника. Я поднял взгляд: их силуэты дрожали, контуры размывались, но направление было понятным – все они двигались к какой-то точке, находившейся далеко за пределами видимого пространства.

— Это кто? — я задал вопрос, который боялся задавать. — Они за мной?

— Они за всеми, — сказала она просто. — Только боль-

шинство делает вид, что не видит.

В её голосе не было драматизма. И от этого становилось страшнее. Я снова почувствовал себя маленьким, гораздо меньше этого города и собственных снов. Просто человеком с неполадками в голове, который пытается придать им хоть какой-то смысл через картинки и музыку.

— Почему ты говоришь «вернись»? — спросил я. — Куда?

Она посмотрела на меня чуть мягче. В её взгляде впервые появилось что-то похожее на тепло.

— Не ко мне, — ответила она. — В себя. Туда, где ты был до того, как решил, что должен всем что-то доказывать.

Фраза попала как удар, без лишних эффектов. Я почувствовал, как внутри что-то дернулось — не согласие и не отрицание, а чистое узнавание. Где-то между манией, провалами, депрессивной тьмой и съёмочными площадками я действительно давно потерял место, где был просто… собой. Не артистом, не режиссёром, не «тем, у кого отстаёт тень». Просто человеком.

— Слишком поздно, — выдохнул я.

— Пока ты видишь меня, не поздно, — сказала она.

В тот момент свет вокруг начал меняться, как на площадке, когда кто-то выкручивает мощность без предупреждения. Костяные арки засверкали ярче, фигуры на улицах замедлились, словно кто-то поставил их на паузу. Я знал этот эффект: так сон начинал ломаться, когда тело там, в крова-

ти, решало, что пора просыпаться.

— Ты уйдёшь, — сказал я, не пытаясь скрыть досаду.

— Нет, — она чуть наклонила голову. — Ты уйдёшь. Я останусь здесь.

Свет рванулся вперёд, как вспышка со стопроцентной переэкспозицией. На секунду я ослеп, почувствовал под ногами исчезновение ступеней, а под кожей резкий холод. Город провалился, как неправильно закрытый файл. Я зацепился за последнее, что видел: её силуэт и белые волосы, тонущие в световом шуме.

И снова услышал:

— Вернись.

На этот раз я не был уверен, из какого именно мира она меня звала.

Я вынырнул в комнату так резко, будто меня выдернули за шкирку из воды. Воздух сразу показался плотнее, тяжелее, чем в городе из костей, и от этого было обидно. Там всё выглядело как миф, здесь – как плохо освещённый бэкстейдж. Потолок снова оказался на своём месте, а стены на нормальном расстоянии, но я ещё пару секунд не мог поверить, что они настоящие.

Первое, что я сделал, снова щёлкнул выключателем. Раз. Два. Три. Свет вспыхнул, погас, вспыхнул, погас, закрепился. Вспышка каждый раз резала глаза, но я терпел, пока не убедился, что мир послушный хотя бы в этой мелочи. Когда лампа вела себя логично, легче было принять, что всё

остальное тоже когда-нибудь перестанет плыть.

В горле стояла сухость. Во сне я чувствовал вкус света, здесь – вкус пыли. Я поднялся, осторожно, как человек, который не доверяет собственным ногам, и пошёл на кухню. Плитка под ногами была холодной и липкой, как раньше, и это тоже успокаивало: стабильность хоть в чём-то.

На кухне меня встретила привычная сцена – стол, на котором лежало всё сразу: блокнот с рисунками, пара пустых кружек, чья-то забытая зажигалка, банки лекарств, которые я открывал и закрывал чаще, чем надо. Над всем этим висела лампа, свет от неё падал пятном, слишком жёстким для такого раннего часа. Я на автомате протянул руку, щёлкнул ещё один выключатель, пытаясь поймать баланс.

Лампа моргнула, замялась и только потом решила, что всё-таки будет работать. С каждым морганием тени в углах дергались, как живые. Раньше мне казалось, что это просто игра света. До того момента, когда в одной из таких теней не начали проявляться контуры.

Сейчас они тоже были на месте.

На стуле напротив, подтянув ноги и обхватив их руками, сидело небольшое существо. В людской классификации оно не проходило ни по одному пункту: слишком маленькое для взрослого, слишком вытянутое для ребёнка, слишком прозрачное для живого. Кожа, если это вообще была кожа, напоминала дым, собранный в форму. Внутри этого «дыма» иногда вспыхивали полосы света, как если бы кто-то шевелил

фонариком под одеялом. Глаза – большие, золотые, слишком внимательные. Из-за них его выражение казалось постоянным, будто оно никогда не моргало.

— Доброе утро, — сказало оно без рта.

Голос появился просто в воздухе, без привязки к движению. Я давно перестал искать у него источник. В какой-то момент легче было принять правила игры, чем каждый раз спорить с ними, упираясь в логику.

— Ещё даже не утро, — ответил я, открывая шкафчик. — Это ночной бонус.

Существо чуть наклонило голову.

— Ты опять бледный, — констатировало оно. — И руки дрожат.

— Приятно начать день с объективной критики, — я потянулся к кружке и едва не уронил её в раковину. Пальцы действительно дрожали. Не так сильно, как в пике панической атаки, но достаточно, чтобы заметить.

Существо наблюдало, не отводя взгляда. За последние годы я научился разделять: есть люди, от которых я жду страха, и есть вот такие. Эти не боялись. Они были составляющей той самой части меня, которая никогда не отходила в сторону. Иногда мне казалось, что это честнее, чем любые человеческие отношения.

— Ты ел? — спросило оно.

Я посмотрел на стол. На нём лежала тарелка с засохшим чем-то – либо паста, либо рис, вчерашний или позавчераш-

ний. Я попытался вспомнить, когда последний раз чувствовал голод по-настоящему и не смог.

— Этого в списке приоритетов нет, — ответил я, наливая воду. — В приоритете – не сойти с ума до обеда.

— Уже поздно, — существо чуть шевельнуло ногой. — Ты давно сумасшедший.

Я сел напротив, поставил кружку на стол и обхватил её пальцами, будто она могла согреть не только ладони. Вода была комнатной температуры, но сама форма ритуала успокаивала: взять кружку, сделать глоток, почувствовать вкус. Это было что-то предсказуемое. В отличие от моих мыслей и поведения.

— Как у нас по расписанию сегодня? — спросил я, глотнув. — Мания, провал, пустота, свет? Или пустота, провал, мания, свет?

— Ты думаешь, что этим управляешь? — удивилось существо. — Мило.

Я фыркнул. Слово прозвучало так, будто его бросили, как камень в воду, без эмоции, просто потому что оно подходило по смыслу.

— Я хотя бы пытаюсь придать этому структуру, — пояснил я. — Людям спокойнее, когда у разрушения есть план.

— Ты не люди, — оно пожало невидимыми плечами. — Ты мост.

— Между чем и чем? — я поднял бровь.

— Между тем, что ты видишь там, — существо качнуло

головой в сторону комнаты, будто там всё ещё стоял город из костей, — и тем, что ты показываешь здесь.

От этого определения где-то под грудиной неприятно защемило. Мост всегда рискует первым упасть, когда по нему начинают ходить слишком часто. Но я ничего не сказал. Если начать спорить с голосами, можно надолго в этом застрять.

Я облокотился на стол, чувствуя, как мышцы спины отзываются усталостью, и уставился поверх существа, в точку на стене. Мой взгляд редко задерживался на ком-то прямо – даже на галлюцинациях. С людьми было так же: смотреть мимо проще, чем выдерживать чужой взгляд и угадывать, что за ним – интерес или страх.

— Ты видел её сегодня? — спросило существо, словно продолжая вслух мои мысли.

— Кого? — я сделал вид, что не понимаю, хотя мы оба знали, о ком речь.

— Ту, что зовёт, — ответило оно. — С белыми волосами.

Я поставил кружку на стол чуть сильнее, чем нужно. Вода плеснула и оставила мокрое пятно.

— Она мне часто снится, — сказал я. — Это ещё не повод обсуждать её за завтраком.

— Ты никогда не обсуждаешь её, — возразило существо. — Ты только снимаешь её вариации в клипах.

Я пожал плечами, чувствуя, как кожа на лопатках слегка стягивается от напряжения.

— Я делаю с ней то же, что со всем остальным, — про-

изнёс я. — Переупаковываю в форму, которую люди готовы смотреть три с половиной минуты.

— И притворяешься, что не скучаешь, — добавило оно.

Я промолчал. Про «скучаешь» оно попало ближе, чем мне хотелось. Проблема заключалась в том, что тоска по ней не имела опоры в реальности. Никакой «реальной» женщины с белыми волосами в моей жизни не было. Не было конкретной утраты, с которой можно было прийти к терапевту и сказать: «Вот, я по всему этому скучаю». Была только эта фигура из сна, от которой тянулось ощущение дома, которого я никогда не видел.

— Ты боишься, что, если расскажешь о ней кому-то, тебя решат доломать официально, — спокойно добавило существо.

— Кажется, у меня и без этого неплохой шанс на дополнительную коллекцию диагнозов, — сказал я. — Не обязательно давать им бонусные уровни.

Я поднял голову и посмотрел на лампу. Свет слегка дрожал, как если бы кто-то трогал провод в стене. Переэкспозиция здесь была другой: не красивой, а раздражающей. Но в этой дрожи было что-то, что я узнавал. Такая же дрожь проходила внутри, когда начиналась мания — маленькая вибрация, из которой потом вырастал громкий свет.

— Ты не ел, — повторило существо. — И ты опять на таблетках экономишь.

— Слушай, — я откинулся на спинку стула, закинул одну

ногу на другую и снова перебрал кольца, — давай ты будешь отвечать за свет, а моя психиатрия останется моим отделом.

— Ты нанял меня не на полставки, — оно чуть склонило голову. — Я здесь всё время.

— Я тебя не нанимал, — парировал я. — Ты сам приполз.

— Ты меня создал, — поправило оно. — Значит, нанял.

Я хотел ответить, но в этот момент тишину прорезал звук уведомления. Телефон, оставленный в комнате, прокричал коротко и требовательно. Я почувствовал, как внутри что-то сжалось. Рабочие сообщения в такие утра звучали как вызов в армию: выбора нет.

— Это они, — заметило существо. — Ждут твой свет.

— Они ждут картинку, — поднимаясь сказал я. — Свет они даже не замечают, пока он работает.

— Ты хочешь, чтобы они заметили именно его, — не унималось оно. — И тебя как того, кто его двигает.

Я остановился в дверях, опираясь ладонью о косяк. Слова задели больное место. Да, я хотел. Хотел, чтобы кто-то видел не просто «клип», не просто «странного режиссёра с заморочками», а то, как устроен свет внутри моей головы. И да, хотел, чтобы кто-то глянул туда и не испугался. Не отшатнулся. Не сказал: «Слишком странно».

— Я хочу, чтобы хотя бы раз кто-то увидел это честно, — проговорил я. — Без фильтров.

— Для этого тебе придётся тоже смотреть честно, — заметило оно. — Не только сюда, но и туда.

«Туда» обозначало одновременно и город из костей, и собственную тень, и те состояния, о которых проще молчать. Манию, которая делала меня прекрасным и невыносимым. Провалы, после которых приходилось буквально собирать себя по частям. Пустоту, где я чувствовал себя не человеком, а выгоревшей плёнкой. Свет, который всё равно возвращался, сколько бы раз я ни пытался его заглушить.

— Начинается съёмочный ад, — словно сам себе сказал я. — Надо дойти хотя бы до первой планёрки в человеческом виде.

— Твой человеческий вид давно в другом месте, — ответило существо. — Но сходи, конечно.

Я ничего не сказал. Просто развернулся, вернулся в комнату, забрал телефон, мельком глянув на экран – пара сообщений от Яны, что нужно подтвердить итоговые схемы света и нового декора. Не знаю кого я там нанял не подумав, но эта декораторша утверждала каждое микро-изменение. Так или иначе, мне скинули список дел, в котором не значилось «разобраться с женщиной из сна», «выяснить, почему тень отстаёт сильнее обычного» и «понять, сколько ещё циклов выдержит нервная система».

Я сунул телефон в карман, на ходу поймал себя на том, что щёлкаю выключатель ещё раз, уже просто по инерции. Лампочка моргнула напоследок, и тени в кухне шевельнулись, будто прощаясь.

— Ты же придёшь ещё? — спросило существо, когда я

вышел в коридор.

— У меня не так много вариантов, — бросил я через плечо. — Это мой дом.

Я знал, что вернусь. И к этой кухне, и к этим голосам, и к этой дрожащей лампе. К женщине из сна и богам из коридоров. К съёмкам, где я буду притворяться, что всё это просто визуальный язык.

Пока что нужно было сделать один простой шаг – дойти до ванной, привести лицо в состояние, приемлемое для людей, и выйти из квартиры, а дальше всё, как обычно. Мания, провал, пустота, свет. И где-то между этим – я, пытающийся быть увиденным, а не только снятым.

В ванной всегда было проще притворяться, что я нормальный. Маленькое пространство, понятные функции: умыться, почистить зубы, посмотреть в зеркало и решить, можно ли так показываться людям. Логика была простая, почти детская: если собрать лицо по частям, может быть, всё остальное тоже соберётся.

Я включил воду, дал ей немного стечь, прислушиваясь к шуму в трубах. Этот звук был неприятным, металлическим, но зато живым. В отличие от тишины в комнате. Пар медленно начал подниматься от раковины, размывая края зеркала, и это мне даже нравилось: пока стекло было запотевшим, я не обязан был смотреть на себя сразу. Можно было потянуть.

Я нагнулся, плеснул на лицо холодной водой, затем ещё раз, чуть дольше, чем нужно. Холод обжёг кожу, и это ощу-

щение прорезало внутренний туман лучше любого кофе. На секунду я почувствовал, что тело снова принадлежит мне, а не висит на мне, как чужая одежда.

Потом поднял голову – и всё равно встретился с ним.

Я никогда не думал о себе как о «красивом» или «некрасивом», это были чужие слова, чужие категории. Я видел не лицо, а карту: синяки под глазами, следы недостатка сна, пухлые губы, которые чаще сжимались, чем улыбались, мышцы на скулах, напряжённые даже в покое. Но сегодня к этому добавилось ещё кое-что. Лёгкая, едва заметная задержка, как в комнате.

Я наклонился чуть ближе, изучая отражение. Зрачки расширены не были, нормальная реакция на свет, цвет радужки – тот же. Я поднял руку, провёл пальцами по линии скулы. В зеркале рука двинулась вместе со мной, без задержки. Я почти с облегчением выдохнул и в этот момент заметил… Не то.

Отражение моргнуло позже. На долю секунды. Не так явно, как у окна, но достаточно, чтобы я зацепился взглядом. Я задержал дыхание, ведь знал, что если начну ловить такие мелочи, то могу пропасть в них надолго. Но глаза уже сами искали следующий сбой.

— Ты правда решил сыграть в это и здесь? — тихо спросил я у стекла.

Разумеется, оно промолчало. Я провёл ладонью по мокрым волосам, отбрасывая пряди назад, и попытался посмот-

реть на себя как оператор. Искал не человека, а картинку. Переэкспозиция по коже, тень под глазами, которая по-хорошему должна была быть подчищена кисточкой, но здесь была реальной. В голове автоматически возникали кадры: если бы сейчас включить жёсткий верхний свет, то линия носа прорежет лицо пополам, а глаза утонут в тёмных провалах. Было странно думать о себе как о собственном персонаже, но это помогало, ведь так было легче переносить тяжесть его сущности.

Я взял зубную щётку, выдавил пасту, всё по сценарию. Движения были отрепетированными до автоматизма, ведь у автоматики был свой плюс: когда внутренний мир разваливается, любые привычные действия становятся якорями. Почистить зубы. Умыться. Надеть чёрную футболку. Проверить сообщения. Сделать вид, что всё это обычное утро человека, а не ещё одна проверка системы на выживаемость.

Пока я занимался этим цирком, телефон снова завибрировал в комнате. Один раз, второй, третий. Я не спешил. Есть что-то унизительное в том, чтобы каждый раз бросаться на звук уведомления, как на спасательный круг. Опыт показывал: в девяти случаях из десяти там нет ничего, что могло бы реально спасти. Только новые задачи.

Я сплюнул пасту, ещё раз сполоснул рот и наконец выпрямился, задерживая на себе взгляд чуть дольше, чем обычно. В зеркале был человек, который предстанет миру сегодня. И человек, который в этом мире не был до конца уверен.

— Если бы ты не был мной, — сказал я ему, — я бы, наверное, тебя снял.

Звучало идиотски, но было правдой. В этом лице было слишком много материала: разрушенность, усталость, неочевидная нежность, спрятанная где-то под слоями выученной отстранённости. Типаж, от которого зритель не сразу понимает, чего ждать, и от этого цепляется. Жаль только, что жить в этом типаже было гораздо сложнее, чем снимать его.

Я выключил воду, бросил взгляд на выключатель и автоматически щёлкнул им – не потому, что нужно, а потому что так было привычно. В ванной лампа сразу послушно погасла, оставив меня в узком коридоре с полосой света из комнаты. Тени легли на стены как удлинённые, размазанные силуэты. Я поймал свой боковой профиль – вытянутый, чуть сутулый, лишённый той уверенности, которую от меня всегда ожидали в кадре.

Из комнаты было слышно, как телефон вибрирует снова. Я наконец пошёл за ним, чувствуя, как тело чуть отстаёт. Не тень, не отражение, а именно тело. Будто мозг решил, что мир ускорился на полступени, а он не успел передать эту информацию мышцам.

На экране сообщения от Яны.

«Подтверди финальную сцену с кубом, нам надо отдать чертежи».

«Свет. Ты точно хочешь, чтобы один источник шёл с за-

держкой? Они не понимают, как это визуализировать».

«Крис, пожалуйста, выйди хотя бы на минуту на связь».

Я стоял посреди комнаты с телефоном в руке и думал, что даже текст от менеджера, который по идее должен звучать сухо и по делу, умудряется пробить меня не туда. В её «пожалуйста» ощущалось не только рабочая паника, но и то самое: «мы не знаем, где ты и в каком ты состоянии, и нам страшно». Этот страх я считывал быстро, иногда быстрее, чем свои собственные эмоции. От чужого страха я становился тяжелее.

Я набрал коротко: *«Да, куб оставляем таким. Свет. Один источник с задержкой, я покажу. Выеду позже, не начинайте без меня».*

Пальцы зависли над экраном. Я добавил: *«Я норм»*, посмотрел на эту фразу, почувствовал, как фальшиво она звенит, и стёр. Написал просто: *«Скоро приеду»*. Отправил. Это было ближе к правде. С состоянием разберёмся по дороге.

Я сел на край кровати, телефон положил рядом и на секунду позволил себе не думать ни о чём. Это «ни о чём» всегда длилось недолго. Мозг не умел быть пустым. Если вычесть из него страхи, манию, провалы, мифологию и картинки, там оставалось не так много, что можно было бы назвать тишиной. Разве что одно: вопрос, который возвращался ко мне чаще, чем хотелось.

Сколько ещё циклов я выдержу, прежде чем один из них станет последним?

Не обязательно в физическом смысле, хотя и это тоже было не абстракцией. Скорее в том, что каждый новый обвал забирал кусок меня, который потом не восстанавливался. Я это чувствовал в мелочах: в том, как стал забывать слова песен, которые сам писал; в том, как иногда не узнавал своё отражение с первого взгляда; в том, как лицевая мышца не всегда успевала подстроиться под эмоцию.

Я лёг на спину, закинул руки за голову, уставившись в потолок. Тут мне было проще говорить честно, даже если говорить приходилось с самим собой.

Я думал о том, что весь этот клип, подготовка, схема света, этот куб, отстающие тени – на самом деле не про музыку и даже не про зрителя. Это была очередная попытка заснять то, что творится у меня в голове, так, чтобы другим уже не нужно было додумывать. Поставить камеру между собой и болезнью и включить запись. Поймать на объектив моменты, когда тень отстаёт, когда свет дрожит, когда отражение моргает позже, чем ты. И показать это так, чтобы никто не сказал: «О, это просто стиль».

Меня это раздражало: когда мои симптомы называли «стилем». «О, как прикольно, он делает, чтобы тень запаздывала». «Классно, как в его клипах свет постоянно пересвечивает кадр». Да, прикольно. Классно. Если не жить с этим двадцать четыре на семь.

Я прижал ладонь к груди, проверяя, как бьётся сердце. Ритм был неровным, но узнаваемым. Это было лучше пол-

ной тишины, которую я знал. Пустота приходила не в виде красивой метафоры. Это было состояние, когда внутри не оставалось ни одной мысли, ни одного образа, ни даже страха. Я висел в ней, как в белом шуме, и не понимал, зачем просыпаться. Мания по сравнению с этим была почти подарком. Хоть что-то.

В ванной тихо капала вода. Я не до конца закрутил кран… Как всегда. Этот звук был мелким, но его было достаточно, чтобы пространство не казалось полностью мёртвым. Я поймал себя на том, что прислушиваюсь к этим каплям, как к счёту. Кап – я здесь. Кап – всё ещё здесь. Кап – пока что.

Телефон снова мигнул уведомлением, но я не стал брать. Это было сообщение из мира расписаний, бюджетов, дедлайнов. Мой же мир сейчас был между зеркалом и городом из костей. И между двумя версиями себя: тем, который пытается выглядеть собранным, и тем, который честно признаёт, что ему страшно.

— Ты всё ещё хочешь, чтобы тебя увидели? — спросил я у потолка.

Потолок промолчал, но ответ я и так знал. Хотел. Смешное сочетание: желание быть увиденным и страх быть бременем. Я постоянно балансировал между «посмотрите на меня, пожалуйста, увидьте, что я чувствую» и «простите, что я вообще есть». И клипы, и песни, и вот это всё – были моими способами договориться с этим внутренним конфликтом.

Я сел, потянулся за чёрной футболкой, валявшейся на сту-

ле, натянул её через голову, ощущая, как ткань ложится на кожу. Этот жест всегда был чем-то вроде маски. В футболке я становился немного более «собранным», как будто чёрный цвет держал меня в рамках кадра. Надел браслеты, вернул кольца на пальцы, запустил руку в волосы, взъерошивая их до нужной степени контролируемого хаоса.

В зеркале у межкомнатной двери я увидел всё того же себя, только чуть лучше оформленного. Тень за мной улыбаться не пыталась, но хотя бы двигалась почти синхронно. Почти.

— Ладно, — сказал я своему отражению. — Пойдём сделаем вид, что всё это просто эстетика.

Я взял рюкзак, сунул в него блокнот с эскизами и стихами, на ходу проверил, на месте ли наушники, паспорт, ключи от студии. Щёлкнул свет в комнате. Раз. Два. Три. Лампочка моргнула, погасла, комната осталась в полутени. На секунду меня кольнуло: а если я сейчас выйду и уже не вернусь? Не в смысле физически, а в том, что тот, кто вернётся, будет ещё чуть дальше от себя настоящего, чем тот, кто вышел.

Я повернул ручку двери, вдохнул поглубже, как перед дублем, и вышел в коридор. Свет там был тусклым и дрожал. В подъезде пахло чем-то между сырой тряпкой и старым табаком. Этот запах был в каждом доме, где я когда-либо жил, как будто его специально доставляли вместе с дверями и почтовыми ящиками. Лампочка под потолком мигала, создавая короткие вспышки переэкспонированного света, и в каждом

таком мигании стены на секунду казались слишком белыми, как выжженный кадр.

Я остановился у выключателя и, не думая, щёлкнул. Раз, два, три. Свет послушно включился окончательно, перестал моргать, но дрожь всё равно осталась – не в лампе, а в мне. Я проводил взглядом собственную тень на стене. В подъездном жёлто-сером освещении она была вытянутой и искажённой, но двигалась почти синхронно. Почти. В тот момент, когда я наклонился, чтобы поправить шнурок, она задержалась на полудвижении, как зависший кадр. Я выпрямился слишком резко, будто хотел её догнать.

— Мы опаздываем, — сказал я ей вполголоса. — Давай как-нибудь без этого сегодня.

Ответа не последовало, и это было даже к лучшему. Когда твоя же тень начинает с тобой разговаривать, это уже следующий уровень.

Я спустился вниз пешком, хоть лифт и работал. В замкнутом коробке с зеркальной стеной и дергающимся светом вероятность того, что меня «перекосит», была выше. На лестнице хотя бы был воздух. На каждом пролёте узкие окна давали полосы блеклого утреннего света, и в этих полосах пыль двигалась медленно, как космический мусор. Я на секунду задерживался у каждого окна, проверяя, существует ли улица за стеклом или сегодня мы играем в «декорацию города».

Внизу дверь подъезда оказалась тяжелее, чем я ожидал. Я толкнул её плечом и вышел на улицу, моргнув от резкого пе-

рехода: серый бетон, серая дорога, серое небо, а в центре этого – переэкспонированные пятна фар и витрин. Город всегда выглядел так, будто кто-то забыл выключить HDR. Особенно, когда я не выспался.

Воздух был влажным, холодным и липким. Я втянул его глубже, чем нужно, проверяя, не застрянет ли где-то по пути. Лёгкие работали с натугой, но работали. Уже плюс.

Я прошёл пару шагов, остановился у бордюра и достал телефон, чтобы вызвать машину. Общественный транспорт в такие дни был очень громким: слишком много людей, чьи тени тоже отстают, и мне не хотелось проверять, что будет, если моя задержка совпадёт с их. В приложении маршруты выглядели как чужая схема реальности, аккуратно вычерченная кем-то, кто не знает, что иногда внутри этих линий пусто.

Такси откликнулось быстро, словно город сегодня всё-таки решил сделать вид, что он на моей стороне. «Пять минут». Я убрал телефон в карман и сел на небольшой бетонный блок возле кривого куста, который кто-то однажды посадил, а потом забыл. Куст держался из упрямства, и в этом было что-то знакомое.

Желудок напоминал о себе тупой тянущей пустотой, но между «покушать» и «доехать» организм выбирал второе. В мании я мог забывать про то, что у меня вообще есть тело, чувствовать только то, что выше шеи. В таких утрах, как этот, тело напоминало о себе слишком громко и при этом

казалось чужим. Плохой актёр, который не выучил текст.

Важно!

В этой книге описана история человека с тяжёлым психическим расстройством. Состояния Кристиана – мания, провалы, депрессия, дереализация, нарушения восприятия – показаны предельно близко к внутреннему опыту, но всё равно остаются художественным изображением, а не медицинским документом.

Этот текст не является:

- руководством по самодиагностике,
- учебником по психиатрии или психотерапии,
- инструкцией, как «жить с диагнозом» или «лечить себя».

Все решения и поступки персонажей, в том числе рискованные, разрушительные или импульсивные, показаны как часть их личной истории, а не как пример для подражания или романтизация болезни. Красота образов в книге не отменяет того факта, что психическое заболевание – это тяжёлая и часто опасная для жизни реальность.

Если по ходу чтения вы:

- узнаёте в переживаниях героя свои собственные состояния,
- замечаете у себя признаки мании, депрессии, самоповреждающего поведения,
- испытываете мысли о том, что не хотите жить,

важно не оставаться с этим один на один. Обратитесь

к психиатру, психотерапевту, психологу, в местные службы экстренной помощи или на телефон доверия в вашей стране. Поддержка реальных людей и профессиональная помощь всегда важнее любой книги, даже самой точной и честной.

Автор не ставит себе целью поставить диагноз читателю, оправдать или осудить чьи-то состояния. Эта история – о том, как человек с разорванной реальностью пытается жить, любить и создавать искусство, оставаясь внутри своей болезни. Всё, что вы прочитаете дальше, – художественное высказывание, а не инструкция, как надо или не надо.

Берегите себя во время чтения. Если в какой-то момент станет слишком тяжело – вы имеете полное право сделать паузу или отложить книгу.

Ошибка экспозиции

Через пару минут к обочине плавно подкатился тёмный седан. В блеске его бокового стекла я на секунду увидел своё отражение – вытянутую фигуру в чёрной футболке, с опущенными плечами. Витринная версия меня. Я сделал вид, что не замечаю, открыл дверь и сел назад.

— Доброе, — сказал водитель, оборачиваясь на секунду. Мужчина лет сорока, с заметным недосыпом под глазами, но в целом живой. — Куда едем, напомнишь?

Я продиктовал адрес студии, тот повторил его, будто проверяя на слух, не показалось ли ему. Машина плавно тронулась.

Я опустил взгляд в телефон, но не стал ничего читать. Окно рядом со мной было хорошим зеркалом, и город за ним смотрелся, как фоновая проекция: дома, друг на друга похожие, вывески, остановки, редкие фигуры на тротуарах. Всё это с лёгким знанием того, что, если сейчас выключить звук, картинка не потеряет ни одного смысла.

— Ты клип у них снимаешь? — спросил водитель вдруг, поймав взгляд на логотипе студии в адресе.

Я чуть удивился, но кивнул.

— Типа того.

— Жёстко, — сказал он. — Говорят, там люди пропадают круглосуточно.

Я усмехнулся.

— Люди – нет, — ответил я. — Сон – да.

Водитель хмыкнул, будто не был уверен, шучу я или нет.

— Творческие все такие, — заметил он. — То не едят, то не спят, то в четыре утра куда-то мчатся. Я вас вожу и каждый раз думаю, как вы вообще живёте.

— Не всегда живём, — сказал я, глядя на отражение своих пальцев, которые перебирали кольца сами по себе. — Иногда так, между.

— Между чем? — спросил он.

Ответ «между городом из костей и ванной комнатой» вряд ли был тем, чего он ждал.

— Между нормальным и… рабочим состоянием, — сказал я, выбрав формулировку попроще. — Когда всё слишком яркое или слишком чёрное… Это хорошо продаётся.

— А ты как? — он скосил взгляд в зеркало заднего вида. — Тебе-то в этом нормально?

Я поймал его взгляд и почти физически почувствовал, как мне хочется отвернуться. Прямые вопросы про меня я переносил хуже, чем любую критику кадра.

— Нормально ли… Не помню, если честно, — ответил я. — Привык.

Он какое-то время молчал, а потом так же буднично добавил:

— Главное – не сгореть, брат. Я видел таких. Горят красиво, а потом – тишина.

Слово «тишина» зазвенело неправильным оттенком. Я посмотрел на дорогу. Свет от фар впереди идущей машины рвал пространство на отдельные куски, как стробоскоп. При каждом всполохе я видел чужие силуэты на тротуарах, и иногда мне казалось, что у них тоже отстают тени. Я отвернулся. Этот разговор едва ли имел какой-то смысл для меня и того, что живёт внутри меня.

Через какое-то время машина въехала в район студий, где дома были странно одинаковыми: стекло, бетон, аккуратные входные группы. Всё выглядело как декорация для фильма про «успешных взрослых людей». Каждый раз, когда я сюда приезжал, меня накрывала лёгкая смешанная реакция: половина меня чувствовала, что я «должен быть благодарен» за возможность работать здесь; другая половина хотела снимать, как эти здания начинают трескаться изнутри.

— Приехали, — сказал водитель, тормозя у ворот.

Я кивнул, а водитель ещё раз посмотрел в зеркало.

— Ты там это… если что, — он поморгал фарами вперёд, в сторону бетонного двора, — помни, что снаружи тоже что-то есть.

— Иногда снаружи страшнее, чем внутри, — ответил я, открывая дверь. — Но спасибо.

Ветер ударил в лицо неожиданно прохладным, почти отрезвляющим порывом. Я вышел, захлопнул дверь, и машина сразу отъехала, оставив меня один на один с серым двором, воротами студии и собственным сердцем, которое,

кажется, решило обогнать ритм мира.

Я остановился на секунду, глядя на здание. Большие окна на втором этаже отражали небо и соседнюю парковку, и в одном из этих отражений я увидел себя – маленькое тёмное пятно на фоне плоского бетонного поля. Меня не было видно, если не искать. Я знал, что внутри меня ждали человек десять: кто-то с планшетами, кто-то с планами света, кто-то с ненавистью к непредсказуемости. Я знал, что там будет слишком много звуков, света, чужих дыханий. И что мне придётся надеть свою «рабочую» версию.

В кармане завибрировал телефон. Ещё одно сообщение от Яны.

«Ты где?»

Я набрал: *«У входа»*, нажал «отправить» и не дожидаясь ответа убрал телефон. Вдохнул поглубже, стараясь найти в этом вдохе что-то похожее на стабильность. Ничего похожего не нашёл, но хотя бы вдох состоялся.

Свет у входа дрожал. Длинная лампа под козырьком то усиливала яркость, то чуть гасла. Я поймал в её мерцании свою руку, уже привычно проверяя: успеет ли тень. В этот раз она почти не отстала. Почти.

— Окей, — сказал я себе. — На сегодня этого достаточно.

Внутри меня ждали схемы, макеты, разбор сцены с кубом, вопросы о «задержке света», которую никому, кроме меня, не хотелось понимать. Там мне придётся говорить быстрее, чем я думаю, придумывать объяснения тому, что я скорее

чувствовал, чем осознавал, и всё время следить, чтобы никто не заметил, как иногда реальность шевелится у меня за спиной.

Я дотронулся до холодного металла двери. Мой мир света и тени, мании и провалов, Богов из коридора и женщины с белыми волосами должен был сейчас упаковаться в слово «концепция» и выглядеть как что-то контролируемое. Я не был уверен, кто кого спасает в этой сделке: я – мир от хаоса или клип – меня от банальности.

Но выбора всё равно не было.

Я нажал кнопку на двери, слушая, как внутри что-то щёлкнуло. Свет над головой дрогнул ещё раз, переэкспонируя мне глаза, и я сделал шаг вперёд, туда, где мой внутренний миф очередной раз будет притворяться обычной работой.

Внутри всегда было прохладнее, чем нужно. Этот тип студийного холода я узнавал сразу: кондиционеры работают на совесть, бетонные стены держат температуру лучше, чем людей, и воздух пахнет кабелями, кофе и чужой нервной системой. Я прошёл через турникет, приложив пропуск, услышал короткий писк – как сигнал «ты пока ещё имеешь право быть здесь» – и оказался в длинном коридоре с белыми стенами и чёрным потолком.

Свет здесь был не обычный офисный, а уже «почти рабочий»: длинные линии точечных ламп тянулись над головой, создавая аккуратные дорожки. Я поймал себя на том, что ав-

томатически считаю, сколько из них моргает. Две. Одна в начале коридора, одна ближе к повороту. Этого было достаточно, чтобы где-то на периферии зрение начало фиксировать дрожание.

— Крис! — голос ударил в спину, как мягкий мяч.

Я обернулся. Яна шла навстречу быстрым шагом, держа в руках планшет и картонный стакан с кофе. Волосы собраны в высокий хвост, под глазами – тёмные круги, почти как у меня, только на ней это почему-то читалось как «работает много», а не «разваливается».

— Я думала, ты решил нас пранканути и не прийти, — выдала она, даже не здороваясь. — Мы тут уже спорим, как это «свет с задержкой», а тебя нет.

— Звучит как идеальная утопия, — ответил я. — Все спорят, а меня нет.

Она закатила глаза и, не сбавляя шага, сунула мне в руку стакан.

— Пей. Ты выглядишь так, будто тебя перекатали катком, — сказала она без особой сентиментальности. — И да, я знаю, что ты опять ничего не ел.

— Ты же не моя мама, — я понюхал кофе. Пахло крепко, слишком. — И не психиатр.

— Вот именно, — отрезала она. — Поэтому хотя бы кофе могу заставить выпить без бумаги и подписи. Пошли. Все уже на месте

Я сделал глоток. Горячая горечь прокатилась по языку и

горлу, а затем упала в желудок тяжёлым шаром. Организм обиделся, но взбодрился. Мания внутри чуть шевельнулась, как зверёк, услышавший слово «еда».

Мы свернули в другой коридор, где стены уже украшали распечатанные раскадровки, схемы света, план площадки. Я шёл мимо и в полглаза считывал то, что сам же когда-то рисовал ночью. На бумаге всё выглядело почти нормальным: куб, подвешенный над полом, световые панели, движущиеся по синхронизированной траектории, точки, где «задержка света» должна была резать картинку. Если не знать, что за этим стоит, можно было подумать, что это просто амбициозный эстетский проект.

— Они опять хотят спрятать кабели, — пробормотала Яна, листая планшет. — Я им объясняю, что у тебя в концепции всё должно быть «видно, как устроено», но…

— Но у них профессиональная деформация, — закончил я. — Они живут, чтобы делать вид, что проводов не существует.

— Можешь лично им это сказать, — она кивнула на дверь в конце коридора. — Только, пожалуйста, не начинай с фразы «вы живёте, чтобы прятать правду». Они не просили такой терапии.

— Я сегодня добрый, — соврал я и толкнул дверь.

Внутри было светло и пусто одновременно. Просторный павильон, уже частично собранная конструкция в центре: металлический каркас, обшитый пока только нижними пане-

лями, над ним – подвешенная часть будущей геометрии. Всё это напоминало недостроенный алтарь. Вокруг – лес стоек, кабелей, кучки оборудования. Люди в чёрном и сером сновали туда-сюда, как муравьи, каждый сжимал в руках свой маленький кусок ответственности.

— О, наш гуру света пришёл, — сказал кто-то слева.

Это был Алекс, главный по свету, худой, высокий, с вечным выражением человека, который видел слишком много «гениальных концепций» и пережил это. Он махнул мне рукой, в другой держал рацию.

— Яна сказала, ты нам сейчас объяснишь, как заставить один прибор отставать от другого, не вызывая у электрика инфаркт.

— Я не гуру света, — ответил я, подходя ближе к конструкции. — Я просто тот, у кого в голове всё время лампочка мигает.

— Вот это я могу подтвердить, — вставила Яна.

Алекс хмыкнул.

— Нам бы эту лампочку в сетап, — заметил он. — Тогда хотя бы знали, с чем имеем дело.

Я поставил стакан на ближайший кейс и залез взглядом внутрь куба. Пока там было пусто – только металлический пол, на котором через пару дней будут лежать люди, декорации, вода, стекло, кровь из гримерки. Я видел это как уже отснятое: как свет проваливается в щели, как камера ловит переэкспозицию, как тень внутри куба живёт по своим зако-

нам.

— Смотри, — я показал пальцем на верхние балки. — Вот здесь и здесь у нас два основных источника. Один чистый, ровный, он отвечает за «реальность». Второй мы ставим так же, но слегка смещаем по таймингу. Чтобы он включался и выключался на долю секунды позже.

— Это как? — спросил один из ребят по свету, молодой, с татуировкой на шее. — Это вообще возможно? У нас же общий пульт.

Я на секунду завис, переводя ощущения на язык, который понимают люди с проводами.

— Ты же можешь сделать прогон, когда приборы включаются по очереди? — уточнил я.

— Могу.

— Нам нужно то же самое, только не по разным приборам, а по времени отклика, — сказал я. — Чтобы один всегда чуть… запаздывал. Как тень, которая не успевает за человеком.

Алекс нахмурился, прикидывая.

— Типа дилей на свет? — уточнил он.

— Да, — кивнул я. — Дилей, который зритель не считает техническим глюком, но почувствует кожей. Он должен сначала видеть «норму», а потом — из-за этой задержки — начать сомневаться, что картинка ровная. Как когда ты смотришь в зеркало, а оно моргает позже.

Я говорил и чувствовал, как внутри начинает поднимать-

ся знакомая вибрация. Мания потихоньку разогревалась – не та разрушительная, а рабочая, когда всё складывается в систему. Я начал двигать руками, показывая траектории, сам не замечая, как ускоряюсь.

— Вот, смотри, — я шагнул внутрь куба, встал в центр. — Допустим, здесь человек. Камера вон там. Реальный свет падает сразу, он фиксирует действие. Но где-то в углу второй источник, который включается с запозданием. И каждый раз, когда персонаж двигается, тень чуть дергается. Не настолько, чтобы это бросалось в глаза как эффект, но достаточно, чтобы мозг зрителя начал нервничать.

— И зачем ты хочешь, чтобы зритель нервничал? — подала голос женщина в очках, художник по декорациям, уволившаяся и дорабатывающая свой последний день. — Это же клип, а не хоррор.

— Потому что это про то, как жить, когда твоя собственная тень отстаёт, — ответил я, не думая. — Когда ты всё время чувствуешь, что сам от себя отстаёшь на полшага. Хочешь ты того или нет, а это тревожит.

Она посмотрела на меня чуть дольше, чем нужно, будто пытаясь понять, шучу я или нет. Я отвёл взгляд, сделав вид, что рассматриваю потолок.

— И ещё, — добавил я, — если зрителю комфортно все три минуты, мы что-то делаем не так.

— Золотые слова, — пробормотал кто-то сзади.

Алекс почесал затылок.

— Ладно, — сказал он. — Попробуем дилей. Я поговорю с программистом. Но ты понимаешь, что, если оно начнёт глючить, все будут смотреть на тебя?

— Все и так смотрят на меня, когда что-то идёт не так, — ответил я. — Привык.

Яна фыркнула:

— Не драматизируй. На тебя смотрят, даже когда всё идёт по плану.

Эта фраза задела странно. В ней было что-то приятное и тяжёлое одновременно. Я почувствовал, как пальцы сами собой начинают перебирать кольца. Желание быть увиденным и страх быть в центре внимания схлестнулись в груди, как два кота. Я сделал вид, что просто поправляю аксессуары.

— По декору есть вопросы? — спросила художник. — Куб внутри ты хочешь оставить максимально чистым или нагромоздить всё, что ты рисовал? Я сегодня сдам нашу работу своей замене. В конце концов, именно она создавала всё это по твоим эскизам, а мы лишь дорабатывали.

Я прошёлся вдоль стен, проводя ладонью по металлу.

— Я хочу, чтобы внутри казалось, будто это не до конца реальное пространство, — сказал я. — Меньше предметов, больше фактур. Ткани, которые поймают свет. Поверхности, которые дадут отражения. Не хочу, чтобы это был «комнатный интерьер». Это скорее… пространство между. Как будто человек застрял между одним миром и другим.

— Ты это в ТЗ не так мягко формулировал, — заметил

кто-то. — Там было что-то про «чтобы казалось, что ты завис в ничто».

— Это то же самое, только другими словами, — пожал я плечами. — Иногда проще говорить по-человечески.

— Ты умеешь? — тихо спросила Яна, но так, чтобы услышал только я.

— Иногда, — ответил я так же тихо. — Когда мне не надо объяснять, что у меня внутри коридор с богами.

Она посмотрела на меня боковым взглядом.

— Ты опять не спал нормально, да?

— Я видел сон, — сказал я. — Это почти как сон.

— Просто не забудь, что мы здесь не в твоей голове, — она кивнула на команду. — Эти люди не подписывались на полную экскурсию.

— Они и половину маршрута не выдержат, — сказал я. — Не переживай.

Я говорил с лёгкой усмешкой, но внутри это «не выдержат» резануло самого. Я слишком хорошо знал, что произойдёт, если дать кому-то действительно заглянуть внутрь до конца. Поэтому делился порционно, через свет, через тень, через музыку и кадры. Небольшими дозами, чтобы не оттолкнуть. И чтобы самому не развалиться.

Алекс вернулся к пульту, начал вполголоса обсуждать что-то с ассистентом, прикидывая конфигурацию. Художники раскладывали ткани, примеряя их к панелям. Яна кому-то писала сообщения, одновременно что-то отвечая в рацию.

Вся эта суета вокруг будущего кадра была странно успокаивающей. Мой внутренний хаос на секунду попал в резонанс с внешним.

Я зашёл в центр куба ещё раз, встал там, где по плану должен был находиться «герой», и посмотрел вверх. Свет падал пока только сверху и сбоку, создавая на полу две пересекающиеся геометрии. Я представил, как одна из них начнёт отставать. Как тень от руки появится чуть позже. Как камера это поймает. Как зритель моргнёт и не поймёт, что именно его сейчас дёрнуло.

Где-то на границе зрения я снова увидел белые волосы. Один миг – и всё, ничего нет, только световая полоса от лампы. Я вдохнул поглубже, заставляя себя не уходить туда. Здесь были кабели, люди, календарь. Там – город из костей. Сейчас надо было быть здесь.

— Крис, — голос Яны выдернул меня обратно. — Нам нужно ещё раз пройти план съёмочного дня. Ты вносил правки ночью?

— Ничего критичного, — сказал я. — Только добавил пару кадров, где свет будет ломаться.

— «Ничего критичного», — повторила она, глядя в планшет. — Ты добавил ещё один блок съёмки. На час.

— Это всего лишь час, — возразил я. — Зато это будет тот момент, когда зритель наконец поймёт, что с ним что-то не так.

— Я думала, мы работаем над клипом, а не над коллек-

тивной психотерапией, — заметила она. — Но ладно. Только, пожалуйста, не развались в середине дня. Мне нужно, чтобы ты дошёл до конца.

Фраза прозвучала почти буднично, но я почувствовал, как сердце на секунду сбилось. Не потому, что я боялся не дойти. Потому что кто-то вслух признал, что такой риск вообще существует.

— Постараюсь, — сказал я. — Без гарантий, но с намерением.

Она хмыкнула:

— Это уже что-то.

Я снова взял стакан с кофе, который остыл, но всё ещё пах горечью, и сделал один глоток. В голове шевельнулась мысль, что, возможно, весь этот день — очередная попытка «вернуться», о которой говорила женщина из сна. Вернуться к себе через чужие глаза. Через пересвеченные кадры. Через дрожащий свет, который наконец-то кто-то заметит.

— Давайте включим всё, что уже повесили, — сказал я. — Хочу посмотреть, как куб живёт, когда мы его зажигаем.

Алекс поднял руку, подавая знак. Свет включился не сразу – сначала загудели приборы, потом один, другой, третий вспыхнули. На секунду пространство заполнилось белым шумом, настоящим, световым. Я щурился, но не отводил глаз. Я хотел видеть этот момент. Момент, когда тьма ненадолго сдаёт позиции и признаёт, что тоже часть установки.

Внутри что-то щёлкнуло – не лампа, а я. Мания улыбнулась, показав зубы, и тихо сказала: *пошли работать*.

Когда все приборы загорелись разом, павильон на секунду превратился в внутрикадровое солнце. Свет бил так, что воздух казался плотнее, чем бетон. Куб, ещё наполовину недостроенный, вдруг стал меньше – как будто его прижали к земле сверху невидимой рукой. Я стоял в центре и чувствовал, как кожа под футболкой начинает покалывать, словно я стою слишком близко к лампе, которая вот-вот перегорит.

— Выключи половину, — не отводя взгляда сказал я.

Алекс послушно щёлкнул чем-то на пульте. Свет чуть сбавился, стал менее агрессивным, но дрожь осталась. Я всматривался в тени по углам куба и ловил тот момент, когда они начинали жить отдельно от источников. Тени у меня всегда были честнее света.

— Так лучше? — спросил он.

— Так ближе к правде, — ответил я. — Но дилей всё равно нужен. Без него это просто «красиво».

Слово «красиво» прозвучало почти как оскорбление. Я не хотел красиво. Я хотел, чтобы зрителю стало чуть не по себе, и он не понял, почему. Алекс только покачал головой и снова уткнулся в пульт.

— Я заберу его на десять минут, ладно? — Яна уже стояла рядом, положив ладонь мне на локоть. — Пока ты их тут мучаешь, продакшен мучает меня. И мне желательно мучиться с автором.

— Меня интересует, где грань между координацией и пыткой, — пробормотал я, но позволил ей вывести меня из куба.

Мы вышли в соседнее помещение – маленькую комнату с узким столом, несколькими стульями и доской на стене. На доске висел распечатанный план смены, исписанный маркерами разных цветов. Это пространство всегда казалось мне чем-то вроде диспетчерской: здесь реальность с её часами и бюджетами пыталась держать под контролем то, что у меня в голове давно контроль потеряло.

За столом уже сидели продюсер, два человека с ноутбуками и кто-то из клиентов – аккуратный мужчина в светлой рубашке, слишком аккуратной для съёмочного павильона. Спины были напряжённые, лица – усталые, но собранные. Я автоматически стал чуть прямее, как будто меня кто-то выключателем щёлкнул.

— А вот и наш… автор, — продюсер, женщина с идеальной осанкой, подняла глаза и улыбнулась. Слишком быстро, чтобы это было естественно. — Кристиан, да? Мы как раз обсуждали тайминг.

«Наш автор» прозвучало так, будто меня временно арендовали. Я кивнул, сел на свободный стул, поставил локти на колени, пальцы сцепил в замок, чтобы не было видно, как они дрожат.

— Обсуждайте вслух, — сказал я. — Я послушаю, где меня сокращают.

Клиент чуть кашлянул, переводя взгляд с меня на доску.

— Никто никого не сокращает, — вмешалась Яна, жёстко, но без агрессии. — Мы просто пытаемся уложиться в рабочий день. У нас три блока: сцены внутри куба, сцены с водой и финальный отрыв. Ты вчера ночью дописал ещё один блок. Нам надо понять, что с этим делать.

Я посмотрел на план. Цветные прямоугольники, стрелки, подписи. Мой ночной блок был выделен другим цветом – слишком новым, чтобы быть привычным.

— Этот блок важен, — сказал я. — Без него это просто красивая форма. Там первый раз свет окончательно сходит с ума. Это точка, где мы фактически показываем, что мир треснул.

— А зритель поймёт, что это задумка, а не просто технический сбой? — осторожно спросил мужчина в рубашке. В голосе не было явного недовольства, но был страх. Я узнавал его: страх, что проект выйдет за рамки знакомого и привычного для всех.

— Если вы хотите, чтобы он думал только в категориях «нравится — не нравится» и «снят дорого — снят дёшево», то да, это риск, — ответил я. — Если хотите, чтобы клип остался у него под кожей чуть дольше, чем три минуты, это необходимость.

Я слышал, как Яна тихо выдохнула. Продюсер чуть наклонила голову:

— Конкретнее, Крис. Что он там увидит?

— Себя, — сказал я. Поймал на себе несколько скептических взглядов и пояснил, уже спокойнее: — В этом блоке мы ломаем хронологию движения. Герой делает шаг, а свет реагирует позже. Он поворачивает голову, а отражение остаётся на месте. Это не эффект ради эффекта. Это ощущение человека, который всё время запаздывает по отношению к собственной жизни. Поверьте, таких больше, чем вам кажется.

Повисла короткая пауза. Я чувствовал, как внутри поднимается что-то отдалённо похожее на манию – только целенаправленное. Когда я говорил о таких вещах, речь сама становилась чётче. Страх быть бременем на секунду отступал, потому что то, что я приносил, имело форму, а не просто «проблемы».

— По времени это плюс один час, — вмешался один из ребят с ноутбуком. — По деньгам – плюс тридцать процентов от света и смены в стоимость одного дня съёмок.

— Я понимаю, — сказал я. — Но если вы хотите снять просто очередное видео, как человек красиво страдает в кубе — вам не нужен я. Вы найдёте кого-то, кто сделает это быстрее и дешевле. Я же создаю семидневное погружение в новый мир.

Фраза прозвучала жёстче, чем я планировал, но я не спешил сглаживать. Мужчина в рубашке напрягся, продюсер прищурилась, Яна посмотрела на меня так, будто пыталась телепатически сказать «стоп».

— Никто не говорит, что ты нам не нужен, — продюсер

всё-таки заговорила первой. — Мы просто пытаемся балансировать между твоим… — она поискала слово, — видением и реальными ресурсами.

— Моё видение как раз зависит от реальности, — ответил я. — Я же не прошу построить настоящий город из костей.

Клиент не понял шутку, Яна тихо усмехнулась. Я почувствовал, как во мне одновременно включаются две системы: одна говорила «не перегни, ты и так для них странный», другая – «говори честно, иначе смысла нет».

— Этот блок можно чуть ужать, — вдруг сказал парень с ноутбуком. — Мы можем перекинуть часть планов в другие сцены. Оставить принцип, но сократить дубляж.

Я повернул к нему голову. В его глазах не было привычной для продакшена раздражённой усталости, там была искра – не мания, но интерес. Тот случай, когда человек увидел в идее что-то, что зацепило лично его.

— Можем попробовать, — кивнул я. — Главное – не выкидывать сам момент «сбоя». Всё остальное можно перетасовать. Завтрашний день лишь начало и многое может пойти вне плана. — Я настороженно скривился. Эту фразе ненавидят все продюсеры и заказчики. Но этот клиент пришёл именно ко мне из-за моего виденья кадра и реализации сумасшествия. Его одежда заиграет именно теми красками, что необходимы для продаж. По сути, это не заказ, а партнёрство.

— Хорошо, — продюсер отметила что-то в блокноте. —

Тогда блок остаётся, но мы не раздуваем смену. Пожалуйста, без сюрпризов на площадке, ладно?

— Сюрпризы – это единственное, за что мне платят, — сказал я. — Но я постараюсь сделать их управляемыми.

Яна фыркнула, клиент всё ещё выглядел напряжённым, но уже не так, как в начале. В этом напряжении появилась доля любопытства. Я поймал его взгляд, удержал секунду – длиннее, чем обычно держу чужие, и отстранился.

— Ещё один момент, — сказал он. — Я видел твои прошлые работы. Там много… — он замялся, — странного. В хорошем смысле. Но сейчас важно, чтобы артист… Ты был… узнаваемый. Чтобы его образ не потерялся за всей этой… — он махнул рукой куда-то в сторону куба.

«Странного» и «в хорошем смысле» в одном предложении звучали знакомо. Я сглотнул.

— Я не собираюсь прятаться, — ответил я, — наоборот, всё, что я делаю со светом и тенью для того, чтобы зритель наконец увидел, что происходит на самом деле, когда камера обычно смотрит только на лицо.

— Ты уверен, что зритель это потянет? — спросил он.

— Нет, — честно сказал я. — Но я уверен, что я не потяну ещё один клип, где все делают вид, что живут в ровном пространстве с заполняющим светом.

Снова повисла пауза. В таких паузах я всегда начинал сомневаться: не перегнул ли, не стал ли «слишком». Внутри уже шевелился знакомый страх – оказаться бременем, тем,

с кем «слишком сложно». Я снова начал перебирать кольца, чувствуя, как металл впивается в кожу. Это был мой способ заземлиться: если есть физическая боль, эмоциональная кажется менее абстрактной.

— Ладно, — мужчина кивнул, откинувшись на спинку стула. — Давайте пробовать по плану. Вы же не просто так его нам принесли.

Яна облегчённо выдохнула, продюсер записала что-то ещё, и напряжение в комнате чуть-чуть спало. Я почувствовал, как мания внутри делает маленький победный круг – «видишь, нас услышали», а депрессивная часть тихо шепчет: «посмотрим, сколько это продлится».

— Тогда по смене всё, — подвела итог продюсер. — Если вопросов больше нет, можно возвращаться к кубу. Кристиан, ты с нами или тебе нужно… — она поискала слово, — время?

«Время» в её устах звучало как эвфемизм для «пойти развалиться в туалете». Я усмехнулся.

— Мне нужно пять минут, — сказал я. — Потом я вернусь и буду делать вид, что всё под контролем.

— Ты можешь просто вернуться, — вмешалась Яна. — Не обязательно делать вид.

Я посмотрел на неё. В этих словах не было сарказма, только усталость и забота, завёрнутые в рабочий тон. Это было опасно: такие моменты заставляли меня чувствовать себя видимым. А это было и лекарством, и триггером одновре-

менно.

— Пять минут, — повторил я. — Обещаю не исчезать на дольше.

Я вышел из переговорки в коридор. Свет там всё так же дрожал. Я пошёл не к павильону, а в сторону маленького санузла в конце. Дверь, узкое пространство, плитка, зеркало – идеальное место для краткого срыва, который никто не увидит.

Внутри было пусто. Я закрыл дверь, прислонился к ней спиной и на секунду позволил себе расслабить тело полностью. Ноги отозвались слабостью, руки – лёгкой дрожью. Сердце билось где-то ближе к горлу.

Я подошёл к раковине, включил воду, почувствовал холод на коже рук. Взгляд сам собой поднялся к зеркалу. Там был всё тот же человек, что утром, только сейчас с ним случилось ещё одно изменение: глаза стали ярче. Мания подняла занавес чуть выше. Взгляд был не только усталым, но и горящим. Опасное сочетание.

— Ты опять говоришь слишком много, — сказал я отражению. — И опять честно. Это плохо заканчивается.

Вода шумела, перекрывая звуки снаружи. В этой шумовой завесе было почти комфортно. Я закрыл глаза, на секунду позволив себе представить, что, если я их открою, увижу не студийную плитку и своё лицо, а белый город, лестницы, её. Но когда я открыл, там было только зеркало. И я. И дрожащий свет над головой, который никак не мог решить, сколь-

ко именно лампочек сегодня должны гореть.

Я закрутил кран, встряхнул руки, провёл ладонями по лицу. Близился тот самый момент перехода: между внутренним миром и внешней ролью. Я не любил его, но умел.

— Пошли, — сказал я себе. — Они там думают, что ты гений. Не будем их разочаровывать прямо сегодня.

Я выключил свет, щёлкнув на всякий случай трижды, и вышел обратно в коридор, встретивший меня тем же дрожащим светом и запахом пластика, кофе и пыли, который был одинаковым во всех студиях мира. На секунду мне показалось, что я застрял в петле: ванная, коридор, дрожащие лампы, куб, совещание, ванная, коридор, дрожащие лампы… Где-то между этими точками должен был находиться «я», но иногда казалось, что он просто прыгает по ним, как бракованный файл по таймлайну.

Я вернулся в павильон. Там уже было громче: кто-то тащил стойки, кто-то перекидывал кабели, кто-то ругался себе под нос, потому что тейпы опять закончились. Световые приборы частично погасли, ведь Алекс тестировал пресеты, на пульте мигали кнопки, как маленький космический корабль.

— А, воскрес из мёртвых, — крикнул Алекс, увидев меня. — Мы тут уже решили, что ты сбежал.

— Я бы так сделал, если бы знал, где их выдают, — ответил я. — Ну что, лампочки научились отставать?

— Чуть-чуть, — он махнул рукой. — На доли секунды.

Твой дилей. Но если что-то пойдёт не так, я скажу всем, что это идея автора.

— Так и делай, — я подошёл к монитору, где уже стоял оператор, плотный парень с бородой и внимательными глазами. — Покажешь?

Он приветственно кивнул.

— Глянь, — сказал он и нажал пару клавиш.

На мониторе ожило изображение куба. Пустой каркас, несколько световых пятен, ещё не идеальная картинка, но уже не просто павильон. Я смотрел и видел, как одно из пятен включается с крошечной задержкой. Почти незаметной.

— Можешь замедлить? — попросил я.

Он сделал плейбэк и снизил скорость. В замедлении это стало очевидно: один источник бьёт сразу, второй догоняет. Тень на дальнем углу двинулась, как будто её дёрнули за нитку. Мелочь. Но я почувствовал, как что-то внутри отзывалось с этим движением, как больная мышца на точный нажим.

— Вот это и есть, — тихо сказал я. — Оставь.

— Ты уверен, что зритель не решит, что у него телевизор лагает? — спросил оператор.

— Если зритель решит, что у него лагает телевизор, значит, мы сделали всё правильно, — ответил я. — Пусть шлёт жалобы производителю. Нам своё отработать.

Он усмехнулся, но без недоверия, скорее с любопытством.

— Ты сегодня особенно… — он поискал слово, — со-

бранный.

— Это мимикрия, — я подвинулся, чтобы не мешать. — На самом деле я всё тот же.

Яна уже руками заводила людей по местам, как режиссёр движения загоняет массовку. Она всегда проверяла каждого актёра массовки так, что становилось страшно пронести лишний батончик на перекус.

— Крис, нам нужно пройти блок с артистами массовки по движениям, — сказала она. — Они скоро соберутся в полном составе, но пока давай отработаем всё на тебе. Чтобы потом не тратить их время на твои «а давайте попробуем ещё вот так».

— То есть будем тратить моё? — уточнил я и засмеялся. — Логично.

Я залез в куб. Внутри сразу стало тихо, хоть звук вокруг никуда и не делся. Просто металл и свет замкнули меня в отдельном объёме. Я встал в центр, ровно там, где по плану должен был стоять завтра та версия меня, которую потом будут обсуждать тысячи людей в комментариях, не имея ни малейшего понятия, что у этого образа.

— Представь, что камера там, — Яна показала рукой. — Ты двигаешься по траектории, как в раскадровке. Останавливаешься на отметках. Алекс включит пресет, мы глянем на задержку.

— Представить камеру не проблема, — сказал я. — Сложнее представить себя в человеческом виде.

— Ты в кадре работаешь лучше, чем некоторые актёры, — бросил оператор. Да почему же я не мог запомнить его имя уже столько лет? — Так что давай, не ломайся.

Я сделал вдох, выдох, почувствовал лёгкое головокружение — воздух внутри куба был уже натоптанный техникой, тяжёлый. Странно, но меня это даже немного успокаивало: чем меньше кислорода, тем меньше шансов, что мозг уйдёт в полный разнос.

— Поехали, — крикнул кто-то.

Свет включился по схеме, заданной на пульте. Я сделал шаг вперёд и почувствовал, как тень от моего плеча сначала легла в одну сторону, а через полудолю секунды догнал её другой источник. Дернуло как внутри, так и снаружи. Я остановился, повернул голову, шагнул вбок, как было в рисунке движения. Всё то же самое: реальность и её отстающий дубль.

— Видно? — спросил я, не глядя в камеру.

— Видно, — ответил оператор. — Но это тонко. Не знаю, оценят ли.

— Это не для того, чтобы оценили, — сказал я. — Это для того, чтобы почувствовали. Кто надо – распознает и поймёт. Пусть даже это осознают лишь единицы…

Я шёл по кругу, по намеченным точкам, и в какой-то момент поймал странный эффект: я перестал понимать, какой свет «настоящий». Мозг соскальзывал, цепляясь то за один, то за другой. Так было и в жизни, когда я не всегда мог от-

личить, где симптом, а где просто усталость. Где сон, а где реальность.

Сердце ускорилось. Звук павильона стал чуть глуше, как будто куб действительно создавал внутри свой акустический карман. На секунду я увидел – не глазами, а тем самым внутренним зрением – как над этой конструкцией нависает что-то огромное из света и тени, из моих ночных миров. Как будто существа из коридора богов решили посмотреть, чем я тут занят.

— Крис? — голос Яны пробился сквозь это ощущение. — Ты нормально?

Я моргнул, вернулся в павильон. Свет всё так же мигал по схеме, люди вокруг двигались, камера писала.

— Нормально, — сказал я. — Просто поймал нужное состояние.

— Не надо ловить его сегодня слишком крепко, — тихо добавила она. — Нам завтра работать надо.

Я кивнул, хотя за фразу «слишком крепко» мозг зацепился: для него не было понятной шкалы «достаточно». Когда я входил в образ, в идею, в свет, я часто заходил слишком далеко, потому что не чувствовал границы. Потом становилось поздно.

— Давайте ещё раз, — сказал оператор. — Только в этот раз чуть медленнее движение. И, Алекс, попробуй увеличить дилей на пару миллисекунд.

— За пару миллисекунд он нас убьёт, — проворчал

Алекс, но кивнул.

Я снова пошёл по кругу. На этот раз задержка стала ощутимее: я видел краем глаза, как тень от моей руки сначала остаётся, а потом рывком догоняет. В какой-то момент у меня возникло ощущение, что тень – настоящая, а я – запаздываю. Что она идёт впереди, а я всё время чуть позже. В груди что-то неприятно опало. В голове всплыла фраза женщины из сна: *«ты опять забыл»*.

Я остановился на центральной отметке, посмотрел прямо в объектив. Свет резал глаза, но я не моргнул. Взгляд камеры встретился с моим, и в этот момент я почти физически почувствовал, как где-то по ту сторону экрана – не сейчас, потом – кто-то будет смотреть этот кадр и ловить чувство, что мир слегка не в такт, а потом её серые, почти бесцветные, глаза засияют, осознав, что она не одна в этом мире.

— Стоп, — сказал оператор. — Есть.

Свет частично погас. Воздух внутри куба стал плотнее, тише. Я вышел наружу, чувствуя, как ноги подгибаются чуть больше, чем нужно после пары кругов. В голове лёгкий шум, не музыку, не голоса – белый, как фон без сигнала.

— Тебе надо выйти на воздух, — сказала Яна, всматриваясь. — Ты побледнел.

— Я всегда бледный, — отмахнулся я. — Это мой бренд.

— Сейчас ты не бренд, сейчас ты человек, — она прищурилась. — И этот человек выглядит так, будто его вот-вот унесёт.

Я усмехнулся.

— Если меня унесёт, куб останется, — сказал я. — А вы без меня как-нибудь справитесь.

— Не начинай, — попросила она. — Без тебя тут всё развалится. В том числе ты сам.

Слова попали точно. Я отвёл взгляд, потому что в нём прозвучало слишком много признаний. Признания того, что я важен. Это всегда пугало больше, чем отсутствие чего-то.

— Дай мне пару минут, — сказал я. — Потом вернусь и буду сверхпродуктивным психом.

— Лучше просто продуктивным, — поправила она. — Сверх оставь на клип.

Я вышел из павильона через боковую дверь, в узкий тех коридор. Там было темнее, тише, только редкие лампы под потолком и запах пыли. Я прислонился спиной к холодной стене, закрыл глаза. Внутри шевелилась смесь: мания, довольная тем, что кадр «сел», и провал, который уже подбирался, как волна к берегу.

Я знал свой цикл. Сейчас я ещё держусь: идеи понятны, тело слушается, язык формулирует. Потом будет резкий спад, когда я начну путать слова, забывать, что хотел сказать, чувствовать, что куб – слишком тяжёлый, команда – слишком громкая, мир – слишком требовательный. Потом – пустота, когда я буду стоять посреди павильона и не понимать, зачем всё это. И где-то после, если повезёт, снова придёт свет. Тихий, нормальный, не переэкспонированный.

— Вернись, — услышал я где-то на границе слуха.

Я открыл глаза. Коридор. Лампы. Тени. Никаких белых волос. Но фраза осталась, как отпечаток от вспышки на сетчатке. Я коснулся пальцами стены, проверяя, что она холодная, шершавая, реальная.

— Я здесь, — сказал я в пустоту. — Насколько это возможно.

Свет над головой мигнул. На долю секунды показалось, что тень от моей руки осталась на стене чуть дольше, чем надо. Я усмехнулся.

— Ладно, — выдохнул я. — Давайте снимем этот чёртов клип до того, как кто-то поймёт, что я тоже просто эффект. Надо подготовиться к завтра и не допускать ошибок.

В тени пространства

Свет всегда ломался одинаково: сначала дрожал, потом злился, а в конце пытался меня убить. В тот момент, когда главный софит над кубом начал мигать, я уже знал, что это не «техника барахлит». Это был мой внутренний сбой, выведенный наружу на максимальной яркости.

Металл под моей ладонью был раскалённым. Жар прожигал кожу до костей, но я не отдёргивал руку. Лампа была моей последней точкой опоры. Пока я держал её, всё ещё казалось, что у меня есть хоть какая-то власть над происходящим. Стоило отпустить, и свет решил бы сам, кого нам сегодня сжечь.

Мигание ускорялось. Я видел это не только глазами, но и чувствовал телом: каждый всплеск бил по нервам, как удар током. Вспышка – и павильон становился белым до боли, тьма – и мир проваливался в чёрную дыру. Где-то на периферии я различал силуэты людей: кто-то замер с открытым ртом, кто-то выругался, кто-то просто перестал дышать. Тишина в такие моменты становилась громче крика.

Тень.

Я всегда чувствовал её раньше, чем замечал. Как лишний вес у лодыжек или руку, которая держит за горло, не касаясь. В одну из вспышек я увидел её отчётливо: моя собственная тень оторвалась от ног и стояла отдельно – чёрная, плотная,

с очертаниями, слишком чёткими для «просто игры света». Я был полупрозрачным, как негатив. Она – настоящей.

Следующая вспышка и её повело назад, к стене. Она тянула меня за собой, как цепь. Я почувствовал это телом: легкий, почти невесомый рывок, который тут же превратился в обвал. Мир уехал на полсекунды вперёд, а я застрял.

«Ну давай, — подумал я, цепляясь пальцами в корпус софита так, что металл впился в ладонь. — Или сожги всех, или успокойся. Не тяни».

Я не знаю, кому это адресовал… свету, себе, тому, кто вечно наблюдал сверху. В ответ лампа взвыла ещё ярче. Свет стал настолько белым, что цвета исчезли. Остались только контуры, как в перегоревшем кадре. В этих контурах я успел заметить её.

Она стояла чуть в стороне от куба, где-то между декорацией и камерой. Маленькая фигура в светлой рубашке, поверх облегающего платья телесного цвета, рука сжимала кусок ткани так, будто это был спасательный круг. Лицо – бледное, но не пустое. Она не была ещё одним силуэтом массовки, затаившимся до команды. Она смотрела прямо в центр происходящего. На меня. На свет. На тень.

Её взгляд зацепился за то место, где тень оторвалась полностью. Я это почувствовал физически, как будто кто-то ещё увидел шрам, который я привык прятать под одеждой.

Мир качнулся. Вспышка – тьма – вспышка. Сердце билось где-то в горле. Кожа под ладонью уже не просто горела – она

онемела, и это было хуже. Болеть перестаёт только то, что сгорает.

— Кристиан! — голос декораторши прорезал гул света.

Не громко. Но в этой тишине он раскатился, как удар по микрофону. Я повернул голову. С трудом, будто мышцы вспомнили, что у них есть вес. В очередной вспышке нашёл её взгляд.

Глаза. Её глаза.

Я видел в них не страх, а внимательность. Ужас – да, но не передо мной. Перед тем, что происходило вокруг. Она понимала, что свет сейчас делает что-то, чего не должен уметь делать. Она видела тень. Она видела, как она тянет меня назад. И не отворачивалась.

На этом моменте всё обычно ломалось окончательно. Люди в таких ситуациях либо отворачивались, либо начинали говорить «нормализующие» фразы: «это просто глюк», «сейчас всё починят», «техника шалит». Она молчала. И это было самое громкое, что можно было сделать.

Мигание дошло до предела. Свет орал. Тень рвала меня к себе. Кожа на ладони трескалась. Голова гудела так, будто внутри черепа крутили саундтрек на максимальной громкости.

Я мысленно попросил: «Хватит».

И вдруг – тишина.

Свет не погас. Он просто выровнялся. Без вспышки. Без перехода. Как если бы кто-то щёлкнул невидимым переклю-

чателем «паника/стабилизация». Софит под моей рукой перестал вибрировать. Тень сделала шаг обратно. Я почувствовал, как мир догнал меня, как видеоряд, наконец, синхронизировался со звуком.

Я убрал ладонь. С трудом. Ожог проступил сразу, кожа стала красной, местами белой от сетки металла. Болеть начнёт позже. Сейчас нервная система была занята другим.

Я посмотрел прямо на неё. Она стояла всё на том же месте. Пальцы, сжимавшие ткань, побелели от напряжения. По щекам текли слёзы. Она, кажется, даже не поняла, когда начала плакать. Она смотрела на меня так, будто только что увидела что-то, чего не должна была видеть, но стало слишком поздно отводить глаза.

В этом взгляде было то, к чему я привык относиться с подозрением: видение. Не интерес, не профессиональный анализ кадра, не обожание артиста. Она видела, как я только что удерживал свет. Видела, как оторвалась тень. Видела, как я стоял между этим всем и остальными.

И не отвернулась.

Мир за пределами этого взгляда слегка зашевелился. Кто-то шумно выдохнул, где-то звякнул упавший инструмент, Яна матом понеслась в рацию: «Кто там трогал щит?!». Всё это было где-то далеко. Между мной и реальностью оставалось четыре секунды.

Я почувствовал, как внутри что-то переключилось с «держать» на «отпустить». Рука дёрнулась сама собой. Свет,

послушно выровнявшийся, став привычным, рабочим. Настолько, насколько это вообще было возможно рядом со мной. Я сделал шаг назад. Тень с запозданием на те же полсекунды повторила движение.

И тут всё погасло.

Не в обычном смысле… Не аварийный выключатель… Не перегоревший предохранитель. Темнота упала плотным, физическим слоем. Ни аварийной лампочки, ни зелёных стрелок выхода, ни света от экранов. Абсолютная тьма. Я впервые за долгое время почувствовал её не как метафору, а как реальный предмет. Она легла на плечи, обволокла голову, заткнула рот.

Секунда.

В этой секунде я успел подумать, что, возможно, всё. Не в смысле «мы сорвали смену», а в смысле «это тот самый момент, когда дыра внутри наконец совпала с дырой снаружи». Стало спокойно. Опасно спокойно. Ни света, ни тени. Ничего.

Вторая секунда.

Я ощутил, как моё тело проваливается куда-то чуть ниже, чем пол. Как будто куб, павильон, студия – всё это декорация, под которой пустота. И я наконец перестал на неё смотреть, а просто рухнул.

Третья секунда.

Там, где у обычных людей начинается паника, у меня обычно включалась привычка. Я уже бывал в таких прова-

лах, только обычно внутри головы. В этот раз пустота была физической. И всё равно мозг работал по знакомой схеме: «Дыши. Щёлкни светом. Проверь тень. Дыши».

Четвёртая секунда.

Тепло.

Не вокруг, а возле. Слева. Почти вплотную. В темноте расстояние меряется не метрами, а ощущением. Запах – сигареты, кофе и бетонные стены студии, впитавшие в себя прошлые смены. Дыхание – сбивчивое, но не истеричное. Чуть касалось кожи у уха.

— Ты ведь заметила, да? — я услышал свой голос и сам удивился, насколько тихим он прозвучал.

Не пафосная реплика, не театральный шёпот. Скорее усталый вопрос человека, который слишком долго притворялся невидимым и наконец понял, что его всё равно заметили.

Она молчала. Но её молчание было громче любого «да». Я чувствовал, как дрожат её плечи. Как проще было бы, если бы она сказала: «Нет, это всё просто световой эффект, не парься». Но она не сказала. И не шагнула назад.

Что-то горячее упало мне на пальцы – одна капля, две. Слёзы. Чужие. Настоящие. Без музыки и медленного зума. Они врезались в ту защиту, которую я годами строил между своим светом и чужим восприятием. Всё алгебраически простое: «Ты видишь? Ты не отворачиваешься? Тогда…»

— Хорошо… — выдохнул я, сам не понимая, кому имен-

но это адресую – ей, себе, свету, тени… — Значит, ты останешься.

Я не имел права так говорить. Не имею права решать за людей, останутся они в моих мирах или нет. Я слишком хорошо знал, чем это обычно заканчивается: выжженной нервной системой, разбросанными по дороге людьми и очередным диагнозом в истории болезни. Но эти слова сами вышли. Как признание того, что я только что получил то, чего давно хотел и одновременно боялся – свидетеля.

Не спасителя. Не терапевта. Свидетеля.

Свет вернулся резко, как пощёчина. Сразу весь. Без плавного набора. Глаза не успели адаптироваться, и на пару мгновений всё стало белым шумом. Потом контуры начали вырезаться из этого шума.

Я увидел её первой.

Она стояла совсем близко. Глаза красные, мокрые, ресницы слиплись. На щеке блестела дорожка слёз. Рубашка помялась, ткань в её руках всё ещё была сжата в кулак. Она выглядела… живой. Слишком живой для этого стерильного павильона.

За её спиной – моя тень. Не на полу, не на стене, а чуть в стороне. Чёткая, густая, плотная. Тень на секунду задержалась отдельно, глядя прямо на неё. Я физически ощутил этот взгляд, хотя у тени не было глаз. Потом один из софитов мигнул – по старой привычке – и тень прыжком вернулась ко мне, встав на своё место и послушно повторяя контур.

Я поднял обожжённую руку. Кожа на ладони была красной, местами белёсой, как сырое мясо. Боль пришла волной, запоздало, но мощно. Я проигнорировал её. В этот момент боль была честнее всех.

Наши взгляды снова встретились.

В её – всё ещё был ужас. Но не отвращение. И не жалость. Скорее… признание. Как будто она сказала: «Да, я это увидела. Да, это ненормально. Да, я всё равно здесь».

Я кивнул. Едва заметно. На большее не хватило сил. В этом кивке было сразу три «спасибо», которые я не умел произносить вслух:

Спасибо за то, что не отвернулась.

Спасибо за то, что увидела.

Спасибо за то, что осталась.

Слова сами легли на губы, без звука. Я знал, что она прочитает их по движению. Такие вещи читают, если уже настроился видеть то, что обычно скрывают.

Где-то далеко, на балконе, Яна наконец нашла голос:

— Что за хрень творится с электричеством?! Техники, живо! — Янин крик вернул в павильон звук.

Кто-то загремел лестницей. Кто-то начал что-то лихорадочно проверять в щитке. Кто-то нервно смеялся. Мир попытался вернуть себе прежнюю пластмассовую нормальность.

Я отступил на шаг, чувствуя, как дрожат ноги. Свет снова стал обычным – рабочим, промышленным, рассчитанным.

Но между мной и ним уже было другое понимание: теперь здесь не только я знал, что он живой.

Я ещё раз посмотрел на декорации и её руки с куском ткани. На тонкую цепочку на шее, которую я почему-то заметил даже в этом хаосе. На её глаза, которые всё ещё держали на мне фокус. И понял простую, неприятную вещь: я только что пустил её туда, куда почти никого не пускал. В то место, где свет не был «эффектом», а был моим диагнозом. И она почему-то не убежала.

Это радовало и пугало одинаково.

Потому что, если человек видит тебя в момент, когда тень отрывается, он уже опасен. Не для тебя. Для всей системы, которую ты годами выстраивал, чтобы никто не понял, насколько всё внутри разваливается.

Я шагнул в сторону, будто давая нам обоим пространство. Команда оживала, кто-то лез наверх к софиту, кто-то проверял автоматы. Яна уже шла ко мне с тем самым выражением «если ты сейчас скажешь, что это была идея, я тебя убью». Мир возвращался к своей нормальной суматохе. А я стоял посреди куба и думал только об одном: четыре секунды полной темноты – это было самое честное, что случалось со мной за последние месяцы. И теперь в этих четырёх секундах была не только моя тень. Там была она.

После того как свет сделал вид, что он опять обычный прибор, а не живое существо с характером и суицидальными наклонностями, павильон начал медленно приходить в себя.

Шум возвращался как звук после долгой подводной паузы: сначала дыхание, потом шёпот, потом шелест кабелей, мат через зубы, звон металла. Я стоял посреди всего этого и чувствовал, как внутри меня кто-то всё ещё держит руку на выключателе.

Яна что-то говорила в рацию, голос у неё чуть дрожал, хотя она делала всё, чтобы это не слышалось. Лев… О как, я вдруг запомнил его имя! Лев проверял пульт, прокручивал пресеты, будто от этого зависело больше, чем просто экспозиция. Техники лезли к софитам, трогали провода, искали логическое объяснение тому, что только что произошло. Логические объяснения они любили больше, чем меня.

Я смотрел, как люди суетятся вокруг, и чувствовал себя как человек, который уже вышел из горящего здания, но всё вокруг ещё пахнет дымом. Свет стоял ровно. Тень шла за мной почти послушно, отставая на привычную долю секунды, как плохо синхронизированная дорожка. Снаружи всё было «нормально».

Внутри – нет.

Я поймал себя на том, что ищу её взгляд раньше, чем проверяю положение камеры. Это раздражало. Я всегда считал, что лучше сначала проверить объектив, а уже потом – глаза тех, кто вокруг. Объектив честнее. Но сейчас я, как ни пытался, всё равно находил её.

Она стояла у куба, всё с тем же куском ткани в руке, как будто боялась его бросить, чтобы не провалиться в ту же

тьму, в которой мы только что были. Лицо было уже почти собранным, следы слёз подсохли, но по тому, как напрягались мышцы на скуле, я заметил, что внутри её ещё продолжало трясти.

Я заставил себя отвернуться. Нужно было переключиться на работу, иначе вся смена съедет в психодраму вместо клипа.

— Крис, — Яна появилась справа, как всегда, неожиданно близко. Она держала планшет, как щит, между мной и реальностью. — Нам надо понять, что это было.

— Свет, — сказал я.

— Не смешно, — она прищурилась, но не отступила. — Если оборудование так будет скакать, я не подпишу акт. У нас уже и так страховщики на ушах.

Я посмотрел на неё. Она пыталась быть жёсткой, но я видел, как у неё слегка дрожит рука, та, что не держит планшет.

— Это не оборудование, — ответил я честно. — Это я.

Она выругалась тихо, но с чувством.

— Я так и знала, — пробормотала она, обводя взглядом софиты. — Ладно, делаем вид, что это был разовый... приступ. Ты потянешь съёмки?

Я пожал плечами. Тело уже начинало отдавать долг. Ладонь пульсировала тупой болью, мышцы подёргивались, внутри всё было как после затянувшейся панической атака, только эмоций к ней не прилагалось, одна физиология.

— Посмотрим, — сказал я. — Начнём с простого. Без му-

зыки. Без дыма. Только свет и движение.

Она кивнула, уже переключившись на режим продюсера. В этом режиме она верила в графики, таймкоды и кофе с тройным шотом. В этом режиме я её любил чуть больше, чем в человеческом.

— Лев, — крикнула она, — делаем чистый прогон по свету и пластике. Без звука, без эффектов. Пусть техника остынет.

«Техника», — я усмехнулся про себя. Если бы всё сводилось к технике, моя жизнь была бы проще и скучнее.

Я пошёл к отметке. Тень потянулась следом, послушная, как воспитанная собака, которая только что рвала мебель, но сейчас делает вид, что ничего не было. На каждом шаге я чувствовал, как на меня смотрят. Не абстрактно, а конкретно. Как будто кто-то гладил кожу взглядом против шерсти.

Не надо было оборачиваться, чтобы понять, кто это.

Внутри головы привычно оживился хор.

Ребёнок из золы первым высунулся из своего угла, сел на корточки, обхватив колени руками, и уставился туда, где стояла новая декораторша.

«Она видела», — сказал он спокойно.

«Так видели многие», — отозвался голос, который всегда звучал, как будто ему только что наступили на горло. — «Потом делали вид, что нет».

Существо с кухни – моё ночное отражение, которое обычно приходило под утро, чтобы честно рассказать, насколь-

ко всё фигово, – вяло перевернулось на воображаемом подоконнике.

«Она не убежала», — лениво заметило оно, зевая. — «Это уже статистически подозрительно».

Тень промолчала, но я чувствовал её напряжение. В тех редких случаях, когда она действительно становилась чем-то отдельным, ей не нравилось, когда кто-то видел её в таком виде. Это было почти интимно.

Я остановился на отметке, вдохнул, выровнял плечи. Павильон вытянулся вдоль оси моего дыхания. Свет на секунду дрогнул, как будто проверяя, настроились ли мы на одну волну. Я поднял голову. Лампы ответили лёгким, еле заметным изменением температуры. Это была наша старая игра: я делаю вид, что управляю ими, они делают вид, что слушают.

Рядом зашуршала ткань. Мне показалось, или она действительно подошла чуть ближе к декорации?

Не поворачиваясь, я краем глаза увидел её силуэт. Она двигалась методично, проверяла крепления, чуть меняла угол наклона куба, поправляла складки. Всё, как положено хорошему художнику по текстурам и свету. Только в этих движениях было чуть больше осторожности, чем нужно. Как будто она не только с декорациями работала, но и со мной.

Я закрыл глаза на пару секунд. Не на долго… Настолько, чтобы через ресницы увидеть структуру света. Даже сквозь закрытые веки я чувствовал, где он плотнее, а где проваливается. Там, где она стояла, свет был ровным. Не глухим, не

мёртвым, а именно ровным. Это меня бесило и успокаивало одновременно.

— Готов? — голос Льва прозвучал с привычной усталой нейтральностью.

— Да, — не открывая глаз ответил я. — Давай по траектории. Без музыки. Просто движение.

Я услышал, как он переставил штатив, как тихо щёлкнули настройки на камере. Это был звук ритуала. В ритуалах есть спасение, когда собственная голова превращается в плохой монтаж.

— Поехали, — сказал он.

Я начал двигаться.

Сначала медленно, проверяя, как тело реагирует на пространство после того, что оно только что пережило. Колени держали, спина отзывалась тупой ноющей болью, как после ночи на холодном полу. Пальцы периодически сводило, но цепи пока не мешали – костюмеры ещё не успели обвесить меня окончательно.

Я делал привычные шаги, те самые, которые когда-то придумал в пустой комнате под демку этой песни. Тело помнило, даже если голова выжигала лишние воспоминания. В каждом повороте я чувствовал её. Не как объект желания – до этого мне надо получить ещё два диагноза. Как точку в пространстве, от которой свет отталкивался иначе. Когда я проходил рядом, воздух становился плотнее, но не вязким. Как будто кто-то поставил в сцену правильный рефлектор.

«Кто она такая?» — спросил я у себя, и внутри тут же началось совещание.

«Та, которая сказала свету «я тебя вижу», — заметил ребёнок из золы.

«Та, которая плачет с нами», — лениво добавило существо с кухни.

«Та, к которой тень не хочет поворачиваться спиной», — наконец подала голос тень, и это было уже серьёзно. Обычно она разговаривала только тогда, когда дело касалось выживания.

Я открыл глаза и почти столкнулся взглядом с ней. Она, кажется, сама этого не ожидала. Её пальцы застыли на краю ткани, как будто она собиралась подтянуть её ещё на миллиметр. Взгляд — прямой, без кокетства, без попытки сделать вид, что она смотрит на что-то за мной. Слишком честно. Я отвернулся первым. Не потому, что мне было стыдно. Потому что знал: если зацепиться за этот прямой взгляд, сцена окончательно перестанет быть моей.

— Крис, — Лев снова вывел меня в голос. — Можем добавлять музыку. По пластике всё ок.

«Ок», — я усмехнулся про себя. Мерка оригинальная.

Яна подошла ближе, встала так, чтобы видеть и меня, и декораторшу, и монитор.

— Как ты? — спросила она уже тихо, без продюсерского напора.

— Лучше, чем лампа, — ответил я. — Хватит на пару

дублей.

Она кивнула, скосила взгляд в сторону декораторши – быстро, оценочно, как человек, который умеет считать риски не только по смете, но и по людям.

— Люсия видела, — сказала Яна, не называя имени. — Ты это понимаешь?

— Да, — я не стал притворяться. — В этом и проблема.

Яна вздохнула.

— Или решение, — пробормотала она, но тут же вернула себе профессиональный тон. — Ладно, потом обсудим. Сейчас главное снять клип, а не твою автобиографию.

— Это одно и то же, — сказал я автоматически.

— Только не начинай, — она закатила глаза. — Музыку даём. Смотри по состоянию. Если почувствуешь, что начинает ехать крыша – останавливай сам. Я не хочу ещё одного трюка со светом или повторением весны.

«Она говорит так, будто у тебя есть кнопка «остановить срыв», — усмехнулось существо с кухни. — Ты бы сам себе такую поставил, если б мог».

Я не ответил. Ни ей, ни ему.

Музыка пошла с первого аккорда, прорезав воздух так, словно в павильон впустили ещё один слой реальности. Басы легли под кожу, как вторая пульсация. Мой голос, записанный когда-то ночью в полудрёме, звучал из колонок уже чужим. Всегда так: записанный «я» казался менее больным, чем текущий.

Я начал движение в ритм, и в какой-то момент поймал себя на том, что подстраиваюсь не только под музыку, но и под дыхание Люсии. Я его не слышал физически, слишком много было других звуков, но каким-то образом ощущал счёт. Она делала вдохи не в тот момент, когда это делают испуганные люди. Не на вспышках, не на резких движениях. На тишине между. Это было странно успокаивающим.

Тень шла рядом, не вырываясь. Свет реагировал остро, но не истерично. В каждом движении я чувствовал усталость, но она больше не проваливалась в пустоту. Впервые за долгое время кто-то, кроме меня, знал, что здесь происходит на самом деле. Это обнажало, но одновременно давало опору.

«Если она останется, тебе будет сложнее врать себе», — сказал ребёнок из золы.

«И легче не сойти с ума до конца», — возразило существо с кухни.

«Сойти с ума до конца – иногда тоже вариант», — вмешалась тень, но звучало это скорее привычно, чем угрожающе.

Я сделал очередной поворот, поймал свет лицом, позволил ему высечь из глаз серебряный отблеск, который так любил оператор, и впервые за день подумал не о том, как я выгляжу в кадре, а о том, как этот кадр увидит она.

Эта мысль показалась опасной и честной одновременно.

Я дошёл до точки, остановился, дал телу замереть в нужной позе. Музыка закончилась с лёгким эхом. В павильоне снова повисла тишина перед реакцией.

— Неплохо, — сказал Лев.

— Можно лучше, — автоматически отозвался я.

Яна что-то быстро набила в планшет. Техники обсуждали между собой чёрт знает что. Мир делал вид, что всё под контролем.

Я же чувствовал на себе её взгляд. Не оценочный, не восторженный, не профессиональный. Взгляд человека, который уже видел тебя в темноте и сейчас проверяет, тот ли это ты при свете.

Я решил, что в этой сцене не подойду к ней ни на шаг. И без того было допущено уже слишком много.

Этого решения хватило ровно до следующей паузы.

Когда музыка стихла, павильон какое-то время ещё жил по инерции. Воздух вибрировал, как струна, которую ударили и оставили доживать звук. Я стоял на отметке, чувствовал, как дрожь в руках наконец переходит из разряда «сейчас всё взорвётся» в категорию «привычный фоновый шум», и пытался понять, сколько из того, что сейчас происходит, – я, а сколько – всё остальное.

— По пластике нормально, — сказал Лев, не отрываясь от монитора. — Есть, с чем работать.

«С чем работать» – его универсальная формула, которая означала: «ты ещё держишься, мы тоже, давай не думать, что будет дальше». Я кивнул, хотя он этого не видел.

Яна подошла ближе, поставила планшет на ящик, сложила руки на груди и какое-то время молча смотрела то на ме-

ня, то на свет. В такие моменты я почти слышал, как у неё в голове крутятся строка бюджета, сроки сдачи, количество нервных клеток, которые она готова ещё потратить на этот проект.

— Окей, — сказала она наконец, — делаем так. Сейчас добиваем настройки света под первый дубль, чуть глушим верхний, добавляем боковой, чтобы не выбивать тебе скулы в кость. Лев, посмотри по динамике, где мы можем позволить себе фликер, а где нет. Я не хочу, чтобы нам потом монтажники устроили истерику по поводу эпилептического ада.

— Уже смотрю, — отозвался он.

Я слушал этот разговор как шум дождя за окном. Важный, но не главный. Главное сейчас было другое: я чувствовал, как свет, который только что был моей частью, теперь начал вести себя так, будто у него появился ещё один ориентир в пространстве. Я поймал периферическим зрением, как она снова двинулась к кубу, уже без того смертельно вцепившегося в ткань взгляда. Движения были спокойнее, но я всё равно видел напряжение в плечах. Люсия переставляла какие-то мелкие элементы, поправляла крепления, чуть меняла угол панелей, как будто подстраивала декорацию не только под камеру, но и под то, что здесь невидимо.

Яна, заметив это, выдохнула сквозь зубы.

— Люсь, — позвала она, без лишних официозов.

— Да? — Люсия обернулась.

— Смотри, чтобы нам потом не пришлось всё это обрат-

но перевешивать. Крис, ты окей с её изменениями? — она перевела взгляд на меня.

Я посмотрел на куб, потом на Люсию, потом обратно на свет. Верхний софит над конструкцией едва заметно дрогнул именно в тот момент, когда она поправила край ткани. Не со стороны, не от ветра – просто изменил угол на какие-то пару градусов, хотя никто его не трогал. Я это увидел телом раньше, чем глазами.

— Я пока вообще ни с чем не окей, — честно сказал я, — но по кадру – да, так даже лучше. Свет лучше вытекает.

Яна хмыкнула.

— Ты меня пугаешь, когда говоришь такими словами, — заметила она. — Ладно. Только без самодеятельности в последний момент.

Она ушла к группе продакшена, решать свои бесконечные вопросы, и пространство между мной, светом и Люсией стало пустым настолько, насколько это было возможно в помещении с сорока людьми.

Я подошёл ближе к софиту, тому самому, который ещё недавно пытался устроить нам маленький апокалипсис. Металл уже остыл, но от него всё равно шёл лёгкий жар, как от человека, который только что пробежал марафон и теперь стоит, делая вид, что ему нормально.

Я положил ладонь левее, там, где не было ожога, и закрыл глаза. Такое касание было похоже на проверку пульса.

— Давай ещё раз, — тихо сказал я, не для кого-то кон-

кретно, просто в воздух. — Только без истерик.

Под пальцами что-то очень тихо завибрировало, как кошка, которая решила всё-таки замурчать, но из принципа делает это едва слышно. Свет подо мной чуть сменил температуру, стал мягче, как если бы в него добавили каплю тёплого молока.

Я открыл глаза и посмотрел вниз.

Люсия стояла у куба, наклонившись чуть вперёд, чтобы оценить, как ложится тень на пол. Её волосы чуть сдвинулись, открывая шею; рука с тканью описывала маленькие дуги в воздухе, пока она решала, где пустить складку, а где – натянуть. В тот момент, когда она потянула край вверх, свет от софита инстинктивно двинулся за этим движением, чуть сместив пятно так, чтобы не забивать фактуру, которую она пыталась сохранить.

Это могло быть совпадением. Техническим артефактом. Лёгким сквозняком, который кто-то поднял, проходя под балкой.

Только я слишком хорошо знал, как ведёт себя свет, когда он «просто техника» и когда он «разговаривает». Сейчас он слушал. Не меня.

— Ты это видишь? — я чуть повернул голову и бросил взгляд на Льва.

Он отвёл глаз от монитора и проверил те же оси, что и я.

— Вижу, — спокойно сказал он. — И что?

— Он двигается не под меня, — пояснил я, хотя понимал,

что это звучит уже на грани нормальности.

Лев пожал плечами.

— Он двигается под картинку, — ответил он. — Она картинку трогает. Нормально.

Мне захотелось усмехнуться. У него всегда находилось простое объяснение тому, что я считал проявлением собственной патологии. Иногда это спасало. Иногда бесило.

— Ты нервничаешь, — добавил он. — Свет тоже. Не удивительно, что вы оба реагируете на того, кто тут единственный ведёт себя как здоровый человек.

— Она не здоровый человек, — вырвалось у меня. — Она видит.

Лев посмотрел на меня чуть внимательнее, чем обычно.

— В этом и заключается относительное здоровье, — сказал он. — Видеть и не делать вид, что не видишь.

Он снова повернулся к монитору, давая понять, что разговор закончился. Для него всё было так же просто: есть свет, объект, камера, история. Всё, что выходило за пределы этого набора, он либо переводил на свой язык, либо отсеивал.

Для меня всё было сложнее. Я не мог отделить свет от того, что у меня в голове. И сейчас к этому коктейлю добавился ещё один ингредиент – Люсия.

Она выпрямилась, отступила на шаг, прищурилась, глядя на куб уже с другого ракурса, и в этот момент боковая лампа справа оторвалась от своего привычного состояния «тупой, но верный источник» и качнулась ровно на тот же угол,

на который она наклонила голову. Движение было настолько микроскопическим, что его можно было списать на оптический обман, если бы не то, как моё тело отреагировало.

Где-то в районе солнечного сплетения будто щёлкнул выключатель. Я почувствовал, как тень на секунду стала плотнее, как будто решила выйти вперёд, но передумала.

«Она влияет», — сказал ребёнок из золы, уткнувшись подбородком в колени.

«Она просто работает», — возразил голос, который обычно отвечал за рационализацию.

«Она была в темноте с тобой и не закричала», — напомнило существо с кухни. — «Ты же сам этого хотел, нет? Чтобы кто-то увидел не только клип, но и черновик?»

Тень не говорила ничего, но я чувствовал её внимание. Часто она обижалась, когда в кадр входили люди, которые пытались занять слишком много места в моём внутреннем пространстве. Сейчас она не шевелилась, но была настороже.

— Люсия, — позвал я, сам удивляясь, насколько ровно звучит голос.

Она обернулась. Лицо было собранным, уже без следов пережитой паники, но глаза всё равно оставались чуть расширенными, как у человека, который видел, как у автобуса отваливается колесо в двух метрах от него.

— Да? — она шагнула ближе, но остановилась на расстоянии, в котором ещё можно было делать вид, что это просто рабочий разговор.

— Оставь вот этот угол, — я указал на край ткани, который она собиралась подтянуть. — Здесь хорошо, что свет ломается.

Она посмотрела туда, потом на меня.

— Ты же только что сказал, что нам нужно спокойнее, — напомнила она. — Я пытаюсь убрать лишние блики.

— Спокойнее – в другом месте, — сказал я. — Здесь пусть будет неровно. Это не ошибка, это... — я на секунду задумался, подбирая слово, — привычка.

Она чуть улыбнулась краем губ.

— У света или у тебя? — спросила она.

— Уже неразделимо, — признался я. — Если тебе так проще, то оставь это как «авторский дефект».

Она кивнула. Не стала спорить, не закатила глаза, не втянулась в привычный для многих разговор «давай сделаем более вылизано, а то зритель не поймёт». Она просто приняла, что в этом конкретном месте логика будет другой.

— Окей, — сказала она. — Как скажешь. Только потом не жалуйся, что тебя перекосило.

— Меня перекосило задолго до этого куба, — ответил я.

Она хмыкнула тихо, без издёвки.

— Я заметила, — призналась она. — Но у тебя это, по крайней мере, красиво.

Это прозвучало не как комплимент, не как попытка подлизаться. Скорее как констатация факта, вроде «у тебя кроссовки белые» или «сегодня холодно». И именно поэтому за-

цепило.

Я почувствовал, как свет над нами чуть изменил яркость, словно прислушиваясь к этому обмену репликами. Верхний софит дал минимальный всплеск, боковой легонько качнулся, на полу появилась новая тонкая тень, как дополнительная строка в сценарии.

— Видишь? — спросил я, кивая на это едва заметное изменение.

Она перевела взгляд, прищурилась, следя за линией тени, которая прорезала бетон под другим углом.

— Тень запаздывает, — сказала она спокойно. — Я это видела и до этого. Просто раньше думала, что это мои глаза.

— Это не твои глаза, — ответил я. — Это мои.

Она посмотрела на меня. Уже без страха. С вниманием.

— И ты с этим живёшь? — спросила.

— Иногда живу, — сказал я. — Иногда просто свечусь.

Она улыбнулась чуть шире. В этой улыбке было больше усталости, чем лёгкости, но она всё равно была настоящей.

— Окей, — сказала она. — Тогда давай сделаем так, чтобы твоя тень хотя бы попадала в кадр, когда надо.

Я почувствовал, как внутри что-то странно выровнялось. Не до конца, не в создающем иллюзию «нормальности» смысле, но достаточно, чтобы на несколько секунд мне перестало казаться, что я единственный, кто здесь отвечает за это странное сотрудничество света и психики.

Яна вернулась в зону, хлопнула в ладони, как дирижёр,

который решил, что оркестр достаточно настроился.

— Так, хватит интимных бесед с оборудованием и декорациями, у нас клип, если кто забыл. Крис, ещё один прогон по свету и ракурсу, потом даём звук и пробуем первый полноценный дубль. Люсия, всё, что ты хотела поправить, поправила?

— На сейчас – да, — ответила она. — Дальше уже зависит от него.

Она указала на меня так буднично, будто речь шла о погоде.

— Вот этого я и боялась, — пробормотала Яна, но в голосе её не было злости. Скорее привычная обречённость человека, который слишком долго работает с теми, кто сам себе погодные условия.

Я вернулся к отметке. Свет занял свои позиции. Люсия осталась чуть левее куба, в зоне, где её полутень смешивалась с тенью декораций. В этом смешении было что-то правильное. Как будто она уже была частью кадра, даже если её не собирались снимать крупным планом.

Я сделал вдох. Свет ответил тихим, едва уловимым сдвигом. И в этот момент я окончательно понял: он определённо точно реагирует не только на меня. И если раньше это пугало, как потеря контроля, то сейчас это похоже было на то, что кто-то ещё наконец взялся держать край этого безумного полотна вместе со мной.

Первый настоящий дубль всегда был похож на первый

вдох после слишком долгого задержания. Ты вроде знаешь, как это делается, делал сто раз до этого, но каждый раз есть риск, что воздух войдёт не туда и тебя вывернет. Я вернулся на отметку, почувствовал под ногами знакомый скрип бетона, этот особенный звук сцены, которой ещё нет, но уже хотят, чтобы она была идеальной, и на пару секунд позволил себе ничего не думать.

— Мотор, — сказал Антон, даже не поднимая глаз от ноутбука.

— Камера, — отозвался Лев.

— Звук, — безэмоционально подтвердил звукорежиссёр, хотя звук ему сегодня был нужен меньше всех.

— Свет, — Яна посмотрела на меня так, будто я и был этим светом.

Я не ответил. Просто вдохнул. Музыка пошла.

Первая нота врезалась в грудную клетку так, будто кто-то изнутри ударил по рёбрам. Мой голос, записанный ночью, когда я был на другой фазе, наполнил павильон. Снаружи он звучал как «разбитый артист поёт о своём безумии», изнутри – как человек, который слишком честно записал инструкцию к разрушению.

Я сделал первый шаг.

Тело сработало по памяти. Нога, перенос веса, лёгкий наклон, цепи ещё не звенели, но я уже чувствовал их потенциальный звук, как предвкушение. Свет послушно двинулся за этим шагом, подчеркивая движение, выхватывая контур.

Всё было как задумано. Почти.

На третий шаг я почувствовал, как тень задержалась. Не сильно, но достаточно, чтобы внутри всё сжалось. Она как будто задумалась, стоит ли идти за мной дальше. Я продолжил движение, как ни в чём не бывало, но где-то в районе диафрагмы появилась знакомая холодная пустота.

«Не сейчас», — сказал я ей мысленно, не меняя выражения лица.

Музыка набирала обороты, я поднимал руки, цепи, наконец, зазвенели, как реплики, которые давно ждали своей очереди. Красный софит сверху выстрелил немного ярче, боковой смягчил тени на лице, оставляя их достаточно резкими, чтобы показывать усталость, но не настолько, чтобы сделать из меня карикатуру. Всё, что можно было контролировать, пока поддавалось.

Я чувствовал, как она смотрит. Не на меня как на человека, а на рисунок света вокруг. Но от этого легче не становилось. В каждом моём повороте, в каждом завале корпуса я ощущал её присутствие, как дополнительную камеру, которой не было в планах, но которая всё равно снимала. Я дошёл до точки, где по хореографии должен был остановиться, опустить голову и дать тени оторваться впервые – ровно в тот момент, когда в голосе на записи звучало «я поздно дошёл до себя». План был простой: я – неподвижен, тень – выходит вперёд, свет – мигает на полтона, создавая ощущение рассинхрона с реальностью.

Тень решила, что план ей не нравится.

Вместо того чтобы двинуться плавно, как мы «репетировали» в моей голове, она сорвалась раньше. На полудолю до того, как я опустил голову. Я почувствовал это как спотыкание на ровном месте: тело ещё держало позу, а тень уже бросилась вперёд, вытягиваясь вдоль стены, как человек, который побежал, пока ты ещё раздумываешь.

Свет дернулся за ней, один из боковых источников поймал этот странный момент и, к его чести, сделал это красиво. Но для меня это был сигнал: что-то изнутри рвётся быстрее, чем я успеваю за ним.

«Ты не успеваешь», — сказал ребёнок из золы, сидевший где-то на границе периферии. — «Она уже там, а ты ещё здесь».

«Не разваливайся при всех», — тихо, но очень чётко произнесло существо с кухни. — «Потом будешь. В ванной. В самолёте. Где угодно, только не сейчас».

Я опустил голову чуть позже, чем тень. Для человека, который не привык смотреть на такие вещи, разница была бы незаметна. Камера, может быть, тоже не поймала бы, если бы не Лев. Он поймал бы всё.

Свет послушно мигнул, как было задумано, но это мигание уже не было только художественным приёмом. В каждом всплеске я чувствовал напряжение, которое осталось от недавнего срыва. Как будто лампа помнила, что может снова уйти в истерику, если я дам ей повод.

Я сделал ещё несколько шагов, плавных, отработанных. Физически всё было правильно. Я чувствовал, как мышцы работают по заданному алгоритму, как цепи отзываются на микродвижения, как ткань костюма цепляется за воздух, создавая дополнительную задержку. Всё соответствовало кадру, который мы придумали. Кроме одного – «внутри» всё уже не совпадало с «внешне».

В какой-то момент, когда я должен был повернуться лицом к камере и поднять взгляд, я почувствовал, что не могу. Не потому, что физически не в состоянии – шея работала, глаза открывались. Но внутри меня что-то упёрлось. Как будто кто-то изнутри схватил голову руками и не дал ей подняться.

Я всё равно поднял.

Лампы выстрелили светом в лицо, обнажая каждую линию под глазами, каждый миллиметр усталости. Я увидел объектив, чёрный, как ещё одна пустота, которую нужно было заполнить собой. Но первыми я увидел не его. Я увидел её – чуть сбоку, за декорацией, в зоне, где кто-то другой просто слился бы с фоном. Она не сливалась.

Она смотрела не на меня в привычном смысле. Она смотрела, как свет идёт по моему лицу, как тень от глаз проваливается, как блик застревает в зрачке. И я внезапно понял, что впервые за много времени кто-то увидит этот дубль не как красивый образ, а как документ состояния.

Меня передёрнуло.

Это было ощущение, как если бы ты стоял на балконе и вдруг понял, что перила, на которые ты опирался, – декорация из пенопласта. Я продолжал играть, доводить движение до конца, губы шевелились в такт записанному тексту, но где-то в центре груди начинался легкий сдвиг, который я слишком хорошо знал.

«Стоп», — сказал я себе. — «Скажи «стоп», пока не поздно».

Музыка ещё шла, но в голове она уже разъединялась с картинкой. Звуки начинали отставать или бежать вперёд, я не мог понять, что именно. Свет чуть усилился, словно реагируя на внутренний скачок напряжения.

Я сделал резкий шаг вперёд, хотя по хореографии должен был остаться на месте. Для зрителя это могло бы показаться импровизацией. Для меня это было единственным способом не провалиться.

— Стоп, — сказал я вслух.

Музыка тут же была обрублена. Антон среагировал быстрее Яны.

— Стоп, — уже громче повторил он.

Свет остался включённым, но стал чуть мягче, как будто выдохнул с облегчением вместе со всеми. Я стоял посреди кадра, чувствуя, как сердце бьётся слишком быстро для человека, который только что просто «немного потанцевал под собственную песню».

— Что не так? — Яна уже была на площадке, возле мони-

тора, потом рядом со мной. — Ты не в темпе?

— Нет, — сказал я. Голос прозвучал нормально, даже удивительно спокойно. — Тень вылезла раньше.

Она закатила глаза, но не так раздражённо, как раньше, а скорее по привычке.

— Кристиан, мы же разговаривали об этом, — напомнила она. — Давай формулировки, которые я могу повторить монтажёру без того, чтобы он вызвал мне психиатра. По движению что не так? По эмоции? По свету?

Я попробовал сформулировать проще. Это всегда был отдельный вид спорта.

— Я не успеваю за тем, что со мной происходит, — сказал я. — Если мы это оставим, в кадре будет видно, что... — я сделал паузу, подбирая слово, — что это уже не образ, а чистый срыв. Он пока нам не нужен.

Лев подошёл, посмотрел на меня, потом на Яну.

— По факту, — вмешался он, — тень действительно оторвалась на полудолю раньше, чем надо. И он пошёл за ней, а не она за ним. Для зрителя это, может, и не будет разницей, но по ритму кадра – да, чувствуется.

Яна вздохнула. Там, где другие видели странность, Лев традиционно находил технический аргумент. За это я его и держался.

— Окей, — она потерла переносицу. — Перед дублем два давайте чуть сместим акцент по свету в момент «оторваться». Крис, ты можешь контролировать, когда именно ты её

отпускаешь?

— Если она перестанет бежать раньше, чем я, — сказал я, — возможно.

— Ты с ней можешь поговорить? — сухо спросила Яна.

— Могу, — ответил я, — но не обещаю, что она меня слушает.

— Ладно, — она фыркнула, махнула рукой, как будто отгоняла от себя эту тему. — Возьмём минуту. Ты – воду. Руку посмотри. Люся...

Имя прозвучало чуть иначе, чем в моей голове… мягче...

— Да? — откликнулась Люсия.

— Проверь ещё раз ткань слева. Мне нужно, чтобы там не было резких провалов. Если свет ещё раз решит устроить концерт, я хочу, чтобы хотя бы декор вёл себя предсказуемо.

— Сделаю, — сказала она.

Я отошёл с отметки, чувствуя, как ноги на секунду становятся ватными, как после длинного лестничного пролёта. Ожог на ладони ныл, но это была та боль, к которой можно было прислониться, чтобы не уйти совсем в голову.

Люсия прошла мимо, двигаясь к кубу. Мы поравнялись буквально на секунду. Она на меня не смотрела – была сосредоточена на своей задаче, но я всё равно почувствовал, как между нами что-то вновь щёлкнуло, как контакт двух проводов, которые ещё не замкнули, но уже под напряжением.

— Это было плохо? — тихо спросила она, когда мы раз-

минулись.

Вопрос был быстрым, почти незаметным, брошенным как будто между делом, но в нём было больше интереса к происходящему, чем в любом «ты точно в порядке?».

— Это было честно, — ответил я, не останавливаясь. — А честность не всегда хорошо смотрится в первом дубле.

Она коротко кивнула, и я понял, что этого ей достаточно.

Танец в тени

Я подошёл к бутылке воды, открыл, сделал пару глотков, не чувствуя вкуса. Свет над нами чуть уменьшил яркость, как будто тоже решил «сделать перерыв». Тень вернулась к привычному режиму, отставая на полшага и не пытаясь вырваться вперёд. Пока что.

Ребёнок из золы сел ближе к краю воображаемой сцены, болтая ногами в пустоте.

«Ты всё равно не сможешь долго играть то, что не совпадает с тем, что у тебя внутри», — сказал он. — «Она всё равно увидит, когда ты сорвёшься».

«Зато у нас будет материал», — сухо заметило существо с кухни.

Тень промолчала, но я чувствовал, как она смотрит в ту же сторону, что и я – на Люсию, которая в этот момент что-то поправляла в декорации, даже не подозревая, насколько сильно уже влезла в геометрию этого света и этого дня.

Я допил воду, закрутил крышку и вернулся к отметке. Второй дубль ждало всё то же самое: музыка, свет, тень, я. Только теперь к этому набору прибавлялось ещё одно «мы» – то, что возникло в четырёх секундах темноты и не собиралось исчезать.

Второй дубль всегда был местом, где надо доказать самому себе, что первый провал – не приговор, а разминка. Я

снова стоял на отметке, свет висел над головой, как слишком любопытный зверь, который делал вид, что уснул, но держал один глаз открытым. Музыка включилась чуть тише, чем в первый раз, будто кто-то решил, что громкость тоже влияет на психику, и этим можно управлять.

Я поймал ритм быстрее. Тело благодарно отозвалось: связки разогрелись, движения стали чуть более вязкими, но и более уверенными. Цепи зазвенели в нужный момент, не забегая вперёд, не опаздывая. Свет, как ни странно, вёл себя дисциплинированнее. Тень держалась чуть ближе, чем до этого, как если бы кто-то наконец объяснил ей, что мы сейчас работаем на одну картинку, а не играем в войну характеров.

Проблема была не в этом.

Проблема была в том, что я всё больше чувствовал присутствие Люсии, как отдельную дорожку в миксе. Музыка, свет, мои движения, реакции команды – всё это сливалось в привычный шум, в котором я давно научился ориентироваться. Люсия была как новый инструмент, который внезапно добавили в аранжировку: не громкий, но такой, без которого почему-то уже нельзя.

Она стояла слева, чуть за кубом, там, где по плану должны были оставаться только декорации и техника. Но она не выглядела как часть инвентаря. Каждый раз, когда я входил в очередную фазу движения, я чувствовал, как меняется воздух в той зоне, где она находилась. Это было не то, что можно было измерить приборами, но вполне ощутимо телом: в

момент, когда мне нужно было «провалиться» в текст песни, чтобы выдать правильный взгляд, её присутствие не давало раствориться до конца.

Второй дубль я дотянул до конца. Не идеально, но достаточно честно, чтобы Яна не крикнула «заново» сразу же.

— Стоп, — прозвучал её голос. — Есть. Но я хочу ещё.

Я усмехнулся. Она всегда хотела ещё. Наверное, поэтому мы всё ещё работали вместе.

— Что не так? — спросил я, пытаясь отдышаться, не демонстрируя этого слишком явно.

— По эмоции всё хорошо, — она кивнула в сторону монитора, где Лев уже прокручивал кусок назад. — Но в середине ты проваливаешься на две-три доли. Смотри.

Я подошёл ближе к экрану, глядя на себя со стороны. Всегда ненавидел этот момент. Чужой человек в кадре делал шаг, поднимал голову, в глазах был нужный свет, тень за спиной вырастала как надо. И вдруг в середине куплета я действительно «проваливался»: плечи чуть опускались, взгляд уходил глубже, чем нужно было для клипа, свет начинал реагировать сильнее, чем требовал план.

— Видишь? — спросила Яна. — Тут уже не герой песни, тут ты. А нам пока нужен герой.

— Герой – это я, — сухо сказал я. — Другого у нас нет.

— Не начинай, — она вздохнула. — Давай так: оставим это как запасной дубль, а сейчас попробуем чуть больше контроля. Чуть меньше… — она поискала слово, — честности.

— То есть тебе нужно, чтобы я врал? — уточнил я.

— Я хочу, чтобы ты выжил до конца съёмок, — ответила она, не отводя взгляда. — Если для этого нужно немного вранья – да, мне это надо.

Лев не вмешивался. Он просто мотал на ус – или на объектив – каждый наш диалог, потому что знал: всё это равноценные элементы материала.

— Дубль три, — сказал Антон, уже почти автоматом.

К этому моменту руки начали слегка подламываться. Не физически – с этим я справлялся, тело было натренировано на съёмочные марафоны, танцевальные тренировки, бессонные ночи. Уставала та часть, которая отвечала за удержание границы между «это образ» и «это ты, разложенный по слоям». Каждый новый дубль стирал эту грань чуть сильнее.

Музыка началась снова. Я вошёл в движение, как в повторяющийся сон, где ты знаешь, что сейчас будет, но всё равно надеешься, что сценарий перепишется.

На этот раз я попытался сделать то, о чём просила Яна: чуть отдалиться от самого себя, сыграть, а не просто быть. Сначала получилось. Я чувствовал, как каждое движение становится чуть более выверенным, а взгляд чуть более сконструированным, свет – более контролируемым. Тень послушно держалась на полшага и не пыталась вырваться вперёд. Всё шло правильно, почти стерильно.

И именно это меня и выбило.

В какой-то момент, когда я, по задумке, должен был оста-

новиться и посмотреть в пространство чуть мимо камеры, представляя ту самую «невидимую точку», которую обычно приходится придумывать, её взгляд оказался именно в той линии. Я не знаю, двинулась ли она сама или просто линия совпала, но в тот момент, когда мне нужно было смотреть сквозь всех, я увидел её.

Она стояла, не прячась, не отводя глаза. В них не было восторга, не было ужасного «блин, какой гений» или «бедненький, как ему тяжело». Там была внимательность, почти физическая. Она смотрела так, как смотрят на трещину в стекле: не чтобы любоваться, а чтобы понять, где она началась и докуда дойдёт.

Я почувствовал, как внутри что-то дернулось, как если бы ты шёл по тонкому льду и вдруг услышал треск под ногами. В следующую секунду свет сделал то, чего я не планировал: боковой софит мигнул чуть сильнее, чем нужно, верхний дал лишнюю вспышку, по стене прошла волна тени, как эхосигнал.

— Стоп, — Яна среагировала почти моментально. — Мне это не нравится.

Музыка обрубилась. Я остался стоять на месте, чувствуя, как сердце колотится в груди так, будто я только что пробежал спринт, а не сделал несколько хореографических связок.

— В чём проблема? — спросил я, хотя сам отлично знал, в чём.

— Почти то же самое, — она махнула рукой в сторону

монитора. — Тебя слишком много. Свет опять начинает играть за тебя.

Лев подошёл ближе, отмотал фрагмент. На экране всё выглядело красиво, и в этом была отдельная мерзкая ирония. Там, где я ощущал срыв, картинка становилась особенно сильной: глаза чуть более пустые, чем нужно, тени под ними чуть глубже, чем просили гримёры, свет, рвущийся подчеркнуть каждую эту мелочь.

— Это хороший дубль, — спокойно сказал Лев. — Но я понимаю, о чём ты говоришь, — он бросил на меня быстрый взгляд. — Если мы будем собирать всё из таких кусков, ты к концу клипа выгоришь так, что нас всех накроет.

— Спасибо, доктор, — я усмехнулся.

— Пожалуйста, — без улыбки ответил он.

Яна какое-то время смотрела на меня молча. В таких паузах я всегда чувствовал, как она борется между продюсером, которому нужно завершить проект, и человеком, который уже видел, как я падаю в самых разных местах и позах.

— Ладно, — наконец сказала она. — Дубль четыре делаем проще. Меньше света, меньше тени, больше техники. Ты идёшь по движению, не проваливаясь в текст. Прибереги глубину на финальные сцены. Люся, — она снова позвала её, как будто это было само собой разумеющимся, — сможешь сделать так, чтобы у нас было чуть меньше фактуры вот в этом пятне? — она показала на участок декора слева, где тень особенно красиво ложилась на бетон.

— Если надо «ровнее» – да, — ответила Люсия, подходя. — Но мы потеряем часть объёма.

— Пока переживём, — сказала Яна. — Нам сейчас важнее, чтобы он не упал.

— Я ещё стою, — вмешался я.

— И я хочу, чтобы ты ещё и снимался, — сухо ответила она. — А не лежал где-нибудь за кубом.

Люсия взглянула на меня быстро, как будто проверяя, насколько серьёзным был этот сценарий, и ушла к декору. Её руки двигались быстро и точно, она убирала лишние складки, чуть меняла фактуру, сглаживала то, что совсем недавно сама же делала более живым. Свет реагировал на эти изменения почти благодарно: пятно стало ровнее, тени – мягче, общий рисунок – менее агрессивным.

— Готов? — Лев поднял на меня глаза.

— Нет, — честно сказал я. — Но давай.

Дубль четыре прошёл технически лучше всех. Я это чувствовал уже в процессе. Движения были почти идеальными, свет ложился как надо, тень не вырывалась вперёд, глаза были достаточно «включёнными», но не настолько, чтобы смотреть сквозь всё. Я буквально ощущал, как задвигаю внутренние двери одну за другой, оставляя наружу только то, что нужно кадру.

Где-то к середине дубля я поймал себя на том, что начал считать такты как спортсмен, который отсчитывает удары сердца на беговой дорожке. Раз, два, три, поворот. Раз,

два, три, взгляд. Раз, два, цепи. Привычная автоматизация, которая когда-то меня спасала, а потом едва не убила.

Когда музыка закончилась, я застыл в финальной позе и на две секунды позволил себе не двигаться. Не потому, что так требовала режиссура, а потому что иначе ноги могли подкоситься.

— Стоп, — Яна выдохнула, как будто всё это время тоже не дышала. — Вот. Это ближе.

— «Ближе» – это как? — спросил я, выпрямляясь.

— Ближе к форме, — пояснила она. — Мы оставим пару более честных дублей на всякий случай, но если ты хочешь дожить до вечера, нам нужны и такие. Ты как?

— Устал, — ответил я. — Но ещё не развалился.

— Это у него «окей» так звучит, — тихо добавил Лев.

— Сколько у нас времени до обеда? — спросил я.

Яна посмотрела на часы.

— Час сорок, — сказала она. — Нам нужно хотя бы ещё два полных прогона и пару вставок. Ты потянешь?

Я снова посмотрел в сторону, где стояла Люсия. Она в этот момент как раз разглаживала ткань на кубе, делая её более ровной, чем мне хотелось бы, но более безопасной для моей нервной системы. Свет вокруг неё стал мягче, почти домашним. Тень, проходя через эту зону, на секунду становилась менее плотной.

— Потяну, — сказал я. — Пока она здесь – потяну.

Яна ничего не ответила, но я видел, как у неё на лице

мелькнуло то самое выражение, когда человек одновременно рад и напуган. Я сам чувствовал то же самое.

Следующие дубль-полтора слились в один длинный цикл. Музыка, движение, свет, команды, поправки. Где-то я делал сильнее, где-то переигрывал, где-то, наоборот, уходил в чистую технику. Тень иногда пыталась вырваться, но гораздо реже. Свет пару раз снова дернулся, но не до истерики, а так, как нервный глаз, который иногда подёргивается от переутомления.

Каждый раз, когда мы останавливались, я ловил её взгляд – не специально, но стабильно. Она смотрела на меня не так, как на предмет исследования, и не так, как на мужчину, который её только что впечатлил. Скорее, как на сложный механизм, за который она неожиданно почувствовала ответственность.

Где-то после очередного «стоп» я почувствовал, как голова стала тяжёлой, как будто её чем-то наполнили. Руки начали дрожать чуть сильнее, чем это можно было бы списать на физическую нагрузку. Я провёл пальцами по ожогу – кожа уже затянулась тонкой плёнкой, болела меньше, но это «меньше» было обманчивым: организм просто решил переключиться на другие участки.

— Перерыв десять минут, — объявила Яна, наконец смилостивившись. — Всем – вода, кислород, никого не трогаем.

Она посмотрела на меня.

— Кроме тебя, — добавила она. — Тебя тронут.

Я хотел спросить «кто», но не успел. Люсия уже стояла ближе, чем обычно. В руках у неё был не кусок ткани, а маленький пузырёк с чем-то прозрачным и тюбик крема, явно из её же рюкзака, а не из гримёрного набора.

— Дай руку, — сказала она спокойно, без интонации «бедный мальчик, давай я тебя спасу».

— Там всё нормально, — автоматически ответил я.

— Ты не умеешь определять, где у тебя нормально, — сказала она так, будто говорила «у тебя нитка на свитере». — Дай руку.

Я на секунду задумался. Потом всё-таки протянул. Не потому, что нуждался в помощи. Потому что это было честнее, чем продолжать делать вид, будто ожог – часть образа.

Она аккуратно взяла мою ладонь, повернула её так, чтобы свет падал прямо на покрасневшую кожу, и тихо присвистнула.

— Нормально, говоришь, — пробормотала она. — Скажи ещё, что не больно.

— Больно, — признался я. — Но терпимо.

— Терпимо – это когда мозоль, — возразила она. — А это… — она аккуратно провела пальцем рядом с белой сеткой от решётки, не касаясь, — это уже перебор.

Я чувствовал тепло её пальцев, даже не касавшихся ожога, и холод геля, который она выдавила на здоровую часть кожи, прежде чем аккуратно распределить по краю, избегая самых пострадавших участков. Это было странное сочетание

ощущений: боль, охлаждение, и ещё что-то, что я давно не связывал с чужим прикосновением – безопасность.

— Ты можешь не делать этого, — сказал я. — Я привык.

— Я тоже много к чему привыкла, — ответила она, не поднимая глаз. — Но это не значит, что так должно быть дальше.

Свет над нами почему-то стал ещё мягче. Яна в этот момент отошла к монитору, делая вид, что не смотрит. Лев уткнулся в кадры, но я видел, как он иногда бросает короткий взгляд в нашу сторону, словно фиксируя, как меняется картинка не только в объективе, но и за ним.

Я поймал себя на том, что стою тихо, не шучу, не отбиваюсь, просто позволяю ей мазать крем на мою руку. Для кого-то это была бы ерунда. Для меня – почти интимная сцена.

— Ты же понимаешь, — тихо сказала она, наконец поднимая взгляд, — что свет тебя не отпустит, если ты сам себя не будешь иногда отпускать?

— Я понимаю, — ответил я — но иногда проще держаться за перегоревшую лампочку, чем сидеть в полной темноте.

— Теперь ты не сидишь в полной темноте, — она чуть улыбнулась. — У тебя есть как минимум четыре секунды.

Я понял, о чём она. И впервые за всё утро мне захотелось рассмеяться. Вместо этого я просто выдохнул.

— Ладно, — сказал я. — Тогда постараюсь не разорваться до обеда.

— Постарайся, — кивнула она. — Потому что после обеда

у нас ещё сцены.

Она отпустила мою ладонь, но ощущение её пальцев осталось. Свет, словно удовлетворённый этой процедурой, перестал так пристально на нас смотреть и вернулся к своему обычному рабочему режиму.

Я посмотрел на ожог. Он по-прежнему был красным, по-прежнему болел. Но теперь в этой боли было что-то, что связывало её не только с моими собственными ошибками, но и с тем фактом, что кто-то ещё был готов её видеть. И из-за этого эта серия дублей, со всеми своим микросрывами, вдруг перестала казаться очередным циклом саморазрушения. Это стало чем-то вроде репетиции новой роли – роли человека, который не один в своём свете.

После перерыва павильон казался другим, хотя ничего физически не изменилось. Те же колонны, тот же бетон, тот же куб в центре, те же кабели, тот же запах кофе, пота и пыли от старых деревянных конструкций. Но я чувствовал, как воздух стал плотнее. Не из-за усталости, а из-за накопленного дня. Свет тоже это чувствовал: он светил чуть ниже, как человек, который сел на край стула вместо того, чтобы стоять по стойке «смирно».

— Итак, — Яна хлопнула в ладони, собирая нас всех обратно в одну реальность. — У нас час до обеда и ещё два сложных блока. Сейчас снимаем связку с кубом и проходом вдоль него, потом – крупные. Крис, тебе нужно будет держаться ближе к декору, не уходить в пустоту. Люся, — она

повернулась в её сторону, — ты будешь рядом. Если что-то по ткани, фактуре, свету – правь на ходу. Не ждём паузы.

— В кадре? — уточнила Люсия.

— В кадре, за кадром, под кадром, — отмахнулась Яна. — Главное, чтобы он не улетел.

Она говорила обо мне так, как говорят о дорогой, но капризной технике: аккуратно, с раздражённой привязанностью. Я к этому привык. Легче воспринимать себя как сложную машину, чем как проблему.

— Поняла, — коротко ответила Люсия.

Я посмотрел на неё. Она стояла уже без своего привычного кусочка ткани – тот лежал сложенным на краю куба – но я всё равно воспринимал её с этим образом. Будто между нами всё время тянулась невидимая полоска ткани: от моей ладони к её пальцам. Её лицо было спокойным, собранным, но я видел, как в глубине глаз ещё сохранялось то напряжение, которое не успевает уйти за одну десятиминутную паузу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.